

ОКСАНА ОБУХОВА

ЕВДОКИЯ. СМОТРИТЕЛЬ ЧУЖИХ ГРЕХОВ

Оксана Обухова

**Евдокия. Смотритель
чужих грехов**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Обухова О.

Евдокия. Смотритель чужих грехов / О. Обухова —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715277-1

Толчок истории дает предательство. Вчерашняя студентка-отличница Евдокия доверчиво спешит на помощь брату, а оказывается впутанной в разборки из-за миллиардного наследства семейства Зубовых и становится подозреваемой в убийстве. Пытаясь оправдаться, Дуся разматывает клубок хитроумной комбинации и попутно спасает от смерти наследника тех миллиардов, мажора Илью Зубова...

ISBN 978-0-88-715277-1

© Обухова О.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

СТОЯТЬ, БОЯТЬСЯ!	5
1 часть	5
2 часть	15
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Оксана Обухова

ЕВДОКИЯ

СМОТРИТЕЛЬ ЧУЖИХ ГРЕХОВ

СТОЯТЬ, БОЯТЬСЯ!

1 часть

– Стоять, бояться!!

Громогласный окрик раскатился по каменному мешку двора, канонадой эхо отразился от стен, и у Землероевой от неожиданности подкосились ноги.

Оглядываться на крикуна ей надобности не было: в тонированном стекле джипа отразилась фигура охранника, вопящего с крыльца. Поборов секундную оторопь, разозленный мужик сломал пальцами так и не прикуренную сигарету и торопливо засеменил кривоватыми ногами вниз по ступеням.

Вдобавок из-за джипа высунулась привлеченная воплем физиономия хозяина машины, который, сидя на корточках у заднего бампера, проволоку от него отматывал.

Такого множества подвохов хитроумный план Котика никак не предусматривал. Охранник офиса не вовремя решил перекурить и вышел на крыльцо. Портфель, который Евдокия тихонечко стащила с переднего сиденья джипа, оказался неожиданно тяжелым – под его мягкой кожей легко угадывались жесткие ребра портативного компьютера.

Как ни смешно, но именно ощущение под мышкой чужого ноутбука не позволило Евдокии разжать локоть и разрешить портфелю грохнуться на асфальт парковки, хотя перепуганное сознание сигнализировало: если уж попалась – оставляй добычу и ноги уноси! Дикая в подобных обстоятельствах рачительная мысль «Не дай бог, разобьется чужое дорожное «железо»!» заставила Землероеву крепче стиснуть кейс, гигантским кенгуриным прыжком отскочить от обворованной машины и что есть силы припустить со двора: настала очередь проверить второй этап хитроумного Котикового плана – рассчитанные пути отхода.

В спину дуэтом неслись страстные вопли хозяина портфеля и свирепые рыки офисного секьюрити: первый обещал все простить, коли Дуся добычу скинет, второй грозился догнать, переломать беглянке ноги-руки и голову свернуть.

Слышать такое нежной девушке довольно жутко. Землероева мерила московский тротуар легчайшими скачками перепуганной лани, облапанный обеими руками тяжеленный портфель бился о живот острым углом ноутбука и сбивал дыхание. Солнцезащитные очки, что Дуся выбрала для операции из джеймс-бондовского арсенала, сползли с носа до верхней губы и почти что падали.

Очки было жалко, их поносить дала Синицына. Причем на недельку, пока сама не укатит в Испанию.

Евдокия перехватила портфель одной рукой, сорвала очки с лица и запихнула их в карман спортивной куртки, выбранной для операции уже из арсенала ниндзя: угольно-черный комплект из обтягивающих мягких брючек и куртки с капюшоном, простецкие черные кеды.

Секундная заминка позволила преследователям приблизиться. Когда Дуся резко свернула в ближайшую подворотню, из горла охранника вырвался победный крик: арка выходила в тупиковый двор – воровка, надо думать, никуда оттуда не денется!

Евдокия пробежала до двух гаражей в углу небольшого, окольцованного домами и бетонным забором двора, проскользнула между рифленых стенок и стремительно протиснулась в узкую щель бетонного ограждения детского садика, имеющего выход на противоположную улицу.

На данном проникновении на территорию детсада и основывался заключительный этап хитроумной комбинации: в узкую каменную щелку мог протиснуться только подросток либо худосочная девица. Охранник застрял в щели первым. Покричал из дырки маленько и уступил место хозяину портфеля, после чего в спину Дуси понеслись мольбы напополам с угрозами.

Совестливая душа воровки Землероевой съежилась от этих воплей, болезненно поворочалась под ложечкой...

Но Евдокия сурово сдвинула брови и не позволила стыду возобладать: Котик попал в беду. Котика надо выручать. Кто, если не она, спрашивается. Зачем тогда вообще настоящие сестры нужны?

Поминая «настоящих сестер», Землероева лукавила. Никаким братом Котик-Костик ей, по сути, не являлся. Его матушка – тетя Зина, жена покойного брата мамы, – второй раз вышла замуж и родила Константина уже от нового супруга, подполковника дяди Толи. Вероятно, история этого замужества заслуживает отдельного, развернутого упоминания, но пока, ввиду погони и цейтнота, ограничимся короткой справкой: если бы все беды не искупало рождение обожаемого Котика, то лучше б тете Зине с военным Толей не встречаться.

Евдокия свернула за разрисованную колокольчиками и ромашками беседку, скрылась из поля видимости преследователей и, выравнивая сбитое пробежкой дыхание, достала из кармана очки. Нацепила их на нос и, низко наклонив голову, пошла по дорожке на выход.

У ворот садика воспитатели раздавали родителям последних детсадовцев: пятница, август, короткий день – народ массово рванул дышать чистым воздухом на дачах. На появившуюся из-за здания странную девушку в очках и капюшоне никто не обратил внимания – воспитательницы тоже люди, в голове, поддаваясь всеобщему пятничному настроению, лишь грядки и котомки с закупленной провизией – детей бы не забыть пересчитать!

Евдокия медленно продефилировала мимо группки женщин и детишек и вышла в тихий изогнутый переулок. Отсюда до двери подъезда в доме Котика оставалось не более трехсот метров.

Мольбы и вопли сгинули еще на территории детсада.

...Не типичный для августа прохладный ветерок оглаживал разгоряченные погоней щеки. Совесть пыталась пробиться сквозь радостный перестук пульса – получилось, получилось! – пальцы нервно стискивали ручку драгоценной добычи. Евдокия с трудом заставляла ноги не увеличивать скорость хода, приказывала себе останавливаться у витрин редких магазинов и в отражении обшаривать глазами окрестности.

Получилось, получились, получилось! Котик спасен! Тетя Зина, что немаловажно, спасена от позора и больницы!

Неужели – получилось?!

В непроницаемо черном окне кофейни застыла смутно узнаваемая девица с выбившимися из-под капюшона белокурыми прядями, бессмысленно вытаращенными глазами и губами, стиснутыми в противную змеящуюся щель.

«Неужто это я?» – ужаснулась Евдокия. Лицо как будто высохло за несколько часов. С него почти исчезли губы, уползли гадюками под носогубные складки. Глаза сверкали безумно, шало, как у загулявшей кошки.

Землероева стащила с головы капюшон, поправила растрепанные волосы... Но все равно не нашла в отражении – себя.

Куда девалась вчерашняя студентка, примерная выпускница, тишайшая Дуся Землероева?! В отражении торчала всклокоченная белокурая бестия с чужим портфелем в руках.

По правде говоря, экипируюясь для операции, Евдокия покрутилась перед выходом у зеркала в прихожей и нашла себя вполне привлекательной: брючки обтянули аккуратную вздернутую попку и длинные ножки, очки интригующе монтировались с пышными пепельными локонами, добавляли таинственности и стиля...

Пересохшее горло издало саркастический смешок: допрыгалась. Евдокия зашла за угол дома, вывернула наизнанку двустороннюю куртку – алой шелковой подкладкой наружу. Достала из кармана приготовленный загодя большой пакет из недорогого супермаркета и спрятала в нем кейс.

Теперь, в красной куртке, с пакетом в руках, она почти перестала напоминать девушку-ниндзя, которая – допрыгалась! – свистнула чужой портфель из припаркованной машины.

Оставалось лишь надеяться, что и Котик выполнит свою часть комбинации, а совесть Дуси Землероевой перестанет скрипеть зубами и корежиться в заледеневшем подборушке.

Первое четкое и полное воспоминание малолетней Дуси Землероевой навсегда осталось связанным с незабываемо красивым мальчиком Константином Грушиным. До этого момента память сохранила лишь разрозненные, бессистемные обрывки: улетевший под ветки липы синий шарик, высокий, всемогущий папа прыгает на лавочке, стараясь зацепить пальцами болтающуюся нитку... Мама в новом платье, на высоченных каблуках – сама крошечная Дуся в этом же платье, на тех же каблуках тихонько копошится в маминой косметичке, выбирая самую яркую помаду, и неловко малюет губы... Подводит глаза зелеными тенями...

Красиво тогда получилось.

Помада, правда, сломалась в неопытных руках, и два часа Евдокия ревела в углу... «Нельзя брать чужие вещи без спросу!»

Все эти воспоминания не привязывались ни к времени года, ни к возрасту, ни к какому-то событию – просто были. Без очередности и повода. Знакомство с Костиком запомнилось в деталях.

Прозрачный зимний день. В Москву вернулась какая-то непонятная родственница тетя Зина и пригласила в гости – мама торопится, бигуди путаются в волосах и никак не хотят вылезать из тугих колечек волос. Папа отказывается надевать галстук: «Не новоселье, Тая, просто в гости идем!» – «Петр, я тебя умоляю, хотя бы раз послушайся меня!»

Эта суета уже как будто выступила увертюрой. Подготовкой значительного события.

Муж тети Зины – подполковник. Служил в Германии, там же родился и сын Грушиных – Константин. «Слабенький такой мальчик, – шепотом сетовала мама. – С пороком сердца родился. Хорошо хоть в Германии служили, там с врачом повезло, операцию удачно сделали. Но Зина все равно переживает, не хочет его семилетним в школу отдавать...»

«Слабенький» мальчик Костик оказался дивно крепким розовощеким бугаем. Он шумно носился среди неразобранных картонных коробок, из которых тетя Зина доставала нереально красивые сервизы «Мадонна», хрустальные графины, отрезы тюля, ворохи тряпья... «В Мухомоселье их даже не распаковывала, – смеясь, докладывала родственницам. Прежде чем обосноваться в столице, подполковник Грушин несколько лет послужил за Уралом. Потом – жена москвичка с жилплощадью, позволили перевестись поближе к Первопрестольной, в часть, расквартированную в области. – Господи, думала – сгнило все! Тая, вот этот отрез на платье возьми!»

В Москве середины девяностых не было принято привередничать. Мама взяла и отрез на платье, и патронташ с трусами-недельками, и даже большую нарядную чашку с отколотой ручкой. Папа потом аккуратно обточил острые сколы, мама замазала белые пятна лаком для

ногтей, и несколько лет большая чашка в форме распустившегося бутона служила Землероевым вазочкой под рафинад.

Все это заграничное обильное богатство поразило четырехлетнюю Дусю в самое крошечное сердце и навсегда застряло в памяти: яркие ковры во всю стену, чешский хрусталь на потолке и в горках, высокий черноволосый мальчик в фантастическом спортивном костюме, скроенном как будто из красочных лоскутков. А в детском садике Дуси все мальчики ходили в темных колготках и шортиках, делавших их маленькими, обычными, простыми. Неизъяснимо заграничный Котик разгуливал по дому в кроссовках, в футболке с мордочкой лисенка...

Взрослые увлеклись рассматриваем богатства, забытая всеми Дуся сидела в углу за коробками и несмело перебирала всамделишные гоночные машинки, яркие наклейки, мягчайшие ластик, в игрушках попадались леденцы...

Иногда в тот угол заглядывал Костик. По хозяйски отбирал машинки – Дуся и слово-то боялась вымолвить, отдавала все безропотно! – и, ничего не говоря малявке, уносился на голоса взрослых.

Дуся смотрела на мальчика снизу вверх. Что в общем-то типично в отношении малявки к старшему брату.

На долгие годы она словно бы застряла в том углу. Скорчилась на корточках и любовалась чужим игрушечным богатством, не смея ничего попросить поиграть на время. (Благодушная тетя Зина, правда, сама потом подарила шикарного немецкого пупса с соской и кукольный набор посуды, так как ими уже закончила играть старшая дочь Катерина.) Все связанное с Костиком так и осталось небывало ярким, определенно заграничным и не похожим на простую жизнь.

Даже когда «подлец-мерзавец-прелюбодей!» дядя Толя ушел к буфетчице из воинской части, а тетя Зина слегла с инфарктом, распродала хрусталь, сервизы, барахло, брат Котик остался для Дуси мерилом совершенства. Точкой отсчета, откуда начиналось все впечатляющее, не из обыденной жизни. Никто не мог сравниться с Костей. Он самый лучший, умный, взрослый, самый-самый.

Мама и папа посмеивались над детской влюбленностью дочери. Лучшая подруга, нынешняя философиня Линка Синицына называла Котика «избалованный сукин сын». Никто не мог поколебать уверенности Евдокии: только с Костиком-Котиком ее жизнь может приобрести наполненность и смысл, он один способен сделать праздником каждый день и даже час.

Пожалуй, единственным человеком, полностью согласным с Дусей, являлась тетя Зина. Ради сына она, почти без преувеличения, встала со смертного одра, заставила себя существовать и полностью подчинила жизнь дражайшему Котику. Работала на двух работах, тащила семью, встречаясь с родственниками часами говорила о Котиковых пятерках (тройки в счет не шли, их ставят дуры-училки, не понимающие талантливого мальчика) и будущих успехах.

Кстати сказать, настоящая двоюродная сестра Евдокии Катерина вполне могла бы заслужить похвалу от матери, но все ее достижения прошли абсолютно незамеченными. Катерина легко закончила школу и институт иностранных языков. Вышла замуж за «простого инженера», неожиданно для всех ставшего приличным бизнесменом. Родила троих детей – дом полная чаша.

Как будто нарочно поддерживая уверенность Дуси в небывалой значимости, Котик изредка приглашал ее на какие-то мероприятия. Самая незабываемая тусовка случилась у девятнадцатилетней Евдокии на дне рождения брата: шикарный клуб, лица из телевизора и глянца, шампанское рекой (мажор-приятель Котика расщедрился), костюм-рубашка-туфли брата ничем не отличаются от прочих.

Дуся три дня вымаливала у мамы деньги на новое платье, но все равно чувствовала себя бедной родственницей, кухаркиной дочкой, затерявшейся между полуголых танцовщиц с внешностью кинозвезд.

В общем, кажется, понятно, откуда уши растут. Из детских комплексов, от старого пупса и чашки с отколотой ручкой. В прошлом году Евдокия категорически отказать ехать с родителями в Крым. Выбила-вымолила себе разрешение отдохнуть по-взрослому, отдельно, в настоящей загранице. Мама сходила к Костику, собравшемуся на Кипр, и попросила его взять с собою и Дусю: «Присмотришь там за ней, Евдокия девочка послушная, много проблем не доставит».

На Кипр Котик оправился с компанией и, по совести сказать, за Дусей совершенно не приглядывал. Не до того оказалось – в пух и перья разругался с девушкой. Напился в предпоследний вечер на пляжной дискотеке и...

Несколько часов Котик и Дуся целовались на песке.

Дальше поцелуев дело не зашло. А на следующий день Константин вообще ничего не вспомнил.

Но Дуся не забыла. Казалось бы – фора в еще один день! Совсем чуть-чуть! Если бы не жесткое похмелье, Котик появился бы на пляже и песок напомнил бы ему о поцелуях!

Но не напомнил. Похмельный, хмурый Котик молча довез Евдокию на такси до дома из аэропорта, вручил маме и пропал на ближайшие месяцы.

В этом году на окончание института Дуся попросила не дарить ей традиционных для случая сережек-колечка, а дать денег на тур в Испанию. Как доложила родственникам тетя Зина, сынуля собирался именно туда.

Попасть вместе с Костиком в Испанию, вновь ощутить под пальцами и на губах песок стало для Евдокии идеей фикс. Дуся позвонила брату с намеком: «Хочу съездить за границу отдохнуть, ты как?» Грушин прохладно обещал подумать и не звонил две недели.

Евдокия тоже набралась терпения. Несколько лет назад, говоря о какой-то подруге, Котик выступил с развернутым заявлением: «По телефонным звонкам могу понять – мой человек или нет. Лерка, например, еще ни разу ни позвонила в удачный момент. Всегда трезвонит не вовремя, всегда некстати. Ждешь от нее звонка – молчит. Как только занят – тут как тут. Пожалуй, нужно расставаться... Не мой человек, живем в разных ритмах».

И Дуся, кусая пальцы и зажмуривая глаза, приказывала рукам не тянуться к телефону. Не совершать ошибки, не попадать в разряд неудобных девиц с иными ритмами существования – боялась. Отправила только одну эсэмэску с вкрадчивым вопросом «Как дела, куда пропал?» и замерла в пугливом, нервном ожидании.

Сегодня Константин позвонил сам. Причем не со своего телефона, чей номер Дуся знала наизусть, а с чужого. И неожиданно все получилось мило: когда в трубке раздался любимый голос, Землероева была мрачна и равнодушна, словно египетская гробница. Через секунду ее, правда, как будто кипятком ошпарило – с макушки до пяток, но пауза, взятая для поправления нервной системы, сыграла положительную роль: не привыкший к безразличному тону сестры Котик начал смущенно мямлить.

Евдокия тут же взяла апатичную манеру разговора на вооружение: кто знает, может, ему именно этого в почти сестре и не хватало?! Добавив в голос томной протяжности, она вдруг заметила, что Котик очень картинно вздыхает.

– У тебя что-то случилось? – мигом дрогнув, спросила с пробившимся волнением.

– Случилось, Дусенция. Влип я по самое небалуйся.

Сказать по правде, девушки с ошпаренными макушками соображают так себе. Но главное из речи брата Дуся уяснила: бухгалтер крупной фирмы Константин Грушин прилично накосячил (то ли нолик где-то лишний нарисовал, то ли запятую переставил), и в итоге над работодателями бухгалтера повисла недостача.

– Для фирмы эти деньги – семечки! – горячился проштрафившийся клерк. – Покроют и не заметят, уж я-то знаю! А мне, Дусенция... – Константин вздохнул, как издыхающая лошадь, – мне – кранты. Придется продавать квартиру, увольняться, а у меня машина в кредит, в долги еще залез...

– А Катя? – напомнила Дусенция. – Ее муж! Помочь не смогут?

Братишка саркастически хмыкнул, и Евдокия прикусила язык. Два года назад, тетя Зина решила обосноваться на даче – «Котик уже взрослый, мальчику нужна свободная жилплощадь», – и муж сестры построил на своем участке каменный дом для тещи. Построил и сказал: «В последний раз. В последний раз я помогаю вертопраху».

Слова Катиного супруга донесла до Землероевых расстроенная тетя Зина, после чего долго, сидя на кухне, переживала вместе с Евдокией: «Почему «вертопрах»? Как можно о Котике сказать – такое?!»

– Может быть, еще получится как-то выкрутиться? – плаксиво пролепетала Дуся. – Со всяким может случиться... Вдруг – обойдется?

– Не обойдется, – жестко отчеканил брат. Сегодня начальник отдела приказал Константину подготовить документацию по сделке двухнедельной давности. Шеф собирается все выходные работать на даче с данными и искать ошибку. – Если ты мне не поможешь, на следующей неделе ко мне заявятся коллекторы.

– Я?... Чем я могу тебе помочь?!

– Слушай сюда.

По словам Котика, выходило так. Каждую летнюю пятницу его начальник Борис торопится вывезти семью на дачу – на работе не задерживается лишней минуты. Джип шефа всегда стоит на одном и том же месте в углу парковки, под обзор камер наблюдения попадает только передняя часть машины. «У нас в охране мой одноклассник Мишка Васильков работает, помнишь? Так вот я пару раз сидел за его монитором, работу камер знаю...» Портфель Борис всегда ставит на переднее сиденье рядом с водительским местом. Если незаметно стащить из джипа кейс с ноутбуком и диском, на который Костик сегодня скинул информацию о сделке, если подправить кое-что в рабочем компьютере экономистов, что в принципе не сложно, поскольку в разгар сезона отпусков народу в офисе почти нет... То до правды никто не докопается.

Землероева не верила ушам.

– Костик, это же... воровство...

Брат твердо оборвал Дусин лепет:

– Никакого воровства не будет. Я все продумал. Портфель мне нужен буквально на час – поменять исходный диск на новый. Я уже все подготовил. Мы позаимствуем кейс на время, потом вернем его хозяину в целости и сохранности.

– Как?! В милицию подбросим?!

– Нет, это подозрительно. Я уже договорился с Пашкой Изотовым – ты должна его помнить, рыжий такой, – он отнесет портфель в милицию. Скажет, вышел мусор выносить, в подъезде какая-то подозрительная девица в портфеле копошилась, он ее шуганул, она добычу сбросила и удрала. Пашка мне пятнадцать штук торчит – в покер проиграл, никуда не денется.

Константин говорил так уверенно, словно ни секунды не сомневался, что Дуся согласится. Он уже договорился с Изотовым, уже расписал наперед все действия.

Но Евдокия не торопилась и молчала.

– Эй, Дусенция, ты там уснула?

– Нет, – сипло отозвалась девушка. – Думаю. А почему твой Пашка не может портфель стащить?... Я как бы...

– Изотов «как бы» в щелку не пролезет, – усмехнулся Костик. – Ты, Дусь, не переживай, я все продумал. Отпрошусь с работы пораньше, пройду мимо джипа шефа, накинута на его зад-

ний бампер кусок проволоки и привяжу другой конец к решетке канализации. Когда машина тронется и сдернет решетку, Борис выйдет из машины проверить – что случилось, тут ты и...

– Котик! – перебила Дуся. – А если он не выйдет?!

– Чепуха, – ухмыльнулся Котик. – Выйдет и дверцы не заблокирует. Чего ему бояться на родимой парковке? Он же не знает, что «задница» его машины под обзор камер не попадает... Тебе и надо-то два шага сделать от подъезда жилого дома до машины, потом от джипа до ворот! Там всего метров десять.

Законопослушная робкая Дуся никак не могла отважиться на «да». Молчала, вздыхала, ежилась...

– Да пойми ты, Дуся! – напирал братишка. – Никакой опасности нет! В крайнем случае – удерешь. Ты ж у нас бегунья, да?

Каждый день, в любую погоду, Евдокия дважды обегала свой квартал, так как считала утреннюю пробежку наиболее результативным и дешевым способом держать фигуру в тонусе.

– Если Пашка попадется, ему даже до щелки в заборе не добежать, не то чтобы в нее протиснуться! Сам я добраться до кейса не смогу: вышел из офиса, дотопал до ворот – камеры все фиксируют. Вычислят меня, Дуська! Максимум на что времени хватит – проволоку привязать. Наши все в пятницу пораньше смываются, начальство на это сквозь пальцы смотрит. Сами норовят удрать, один наш Боря, как курьерский поезд, минута в минуту выходит. Соглашайся, Дуся! Если не выручишь – все, хана: мама в больнице, я безработный с волчьим билетом, квартиры нет.

– Ну я даже не знаю...

– Соглашайся! Тебя у нас никто в глаза не видел! Пашка живет рядом, его могли как-то срисовать, ты – темная лошадка!

Вот тут братишка был неправ. Последние две недели, пока было тепло, Евдокия надевала самую короткую юбку из скромного в основе гардероба и регулярно – через день – фланировала по переулку возле офиса. Благодаря детской дружбе с братом у Дуси образовались приятели-знакомые в окрестностях, так что случайная встреча с Котиком выглядела бы вполне невинно.

И вот гуляя, Дуся ловила на себе призывные взгляды водителей машин, выезжающих с парковки. Один нахал ей даже посвистел, оглядывая стройные ножки.

Могли такие ножки срисовать?

Да запросто!

Но вот если задуматься над тем, что, кроме оголенных прелестей, мужчины ничего не замечают... Если спрятать всю красоту под брюки – погода более чем позволяет. Приметные волосы убрать под капюшон...

Не признаваться ж в самом деле Котику, что две недели бестолково караулила его у офиса?!

Стыдоба! Жесть.

«Ага. А воровство типа не жесть? Не стыдно?»

Так брат сказал – вернет пропажу.

«А если попадусь?»

Ты?! Каждодневная, всепогодная бегунья не удерешь от начальника, протирающего задницу за письменным столом?!

– Дусь... С меня шопинг в лучших магазинах Барселоны.

Вот так Евдокия Землероева и оказалась в неудобном, без единого деревца каменном дворе, у единственного подъезда дома, к которому в конце девяностых пристроили высокое узкое здание центрального офиса крупной фирмы, специализирующейся на импорте-экспорте

лекарственных препаратов и медицинского оборудования. Стояла, стараясь не переминаться с ноги на ногу, и дела вид, будто ждет кого-то из жильцов.

Дабы заранее не перенервничать, думала не о предстоящей краже и пляжах Испании с теплым песком, а вела привычный внутренний диалог с подругой Синицыной. Знакомство длиною чуть ли не в два десятка лет – один горшок в яслях делили, а позже школьную парту – позволяло конструировать виртуальный разговор почти в детальной точности: «Таких дур, как ты, Землероева, на Москве не больше трех осталось. Вас надо клонировать, поскольку сами вы можете не размножиться, и оставить в назидание потомкам, как вымирающий вид – в зоопарках. Ты же мне миллион раз обещала отрепетировать перед зеркалом слово «НЕТ»! Тебя, дурищу, оправдывает только кармическая привязанность к фамилии Землероева – вечно для всех «землю роешь» и воду носишь». При подобных заявлениях Евдокия обычно шумно вздыхала и опускала глазки. «Вот как думаешь, Дуська, долго твой Котик идиотку по Москве искал, а? Долго думал, какая овца согласится для него каштаны из огня таскать? Ты же до уголовщины докатилась, подруга!..»

Синицына Котика на дух не выносила. Зубами скрипела, видя, как от одного телефонного звонка брата глупеет, по ее словам, лицо обычно сообразительной подружки.

Мысленно Дуся парировала довольно ловко, припоминала родственные связи и сестринский долг. Но даже мысленно не сомневалась: узнав об уголовщине подруга ее не только высмеет, но еще и стукнет.

«Наверное, не буду ничего Линке рассказывать. Не поймет она».

Признаться честно, на этот раз Землероева и сама не очень понимала – как она в такое вляпалась?!

Но отступать поздно: под «хвостом» джипа спрятался кусок толстой проволоки, примотанный к решетке водослива.

По меркам любой столицы-мегаполиса Костик Грушин сказочный везун. Буквально сразу после окончания института ему подвалило счастье найти непыльную работу в шаговой доступности от дома. Понятно, что за свой рабочий стул неопытный бухгалтер держался чистым офисным клещом – ни сдвинуть, ни поправить.

Евдокия юркнула в знакомый двор, немного удивилась раскрытой настежь двери подъезда, которую для верности подперло большое гнущее ведро.

Потом припомнила: в монументальном доме дореволюционной постройки недавно расселили последнюю коммуналку на пятом этаже, и Костик хвастался – жильцы постановили на собрании отремонтировать подъезд и привести в порядок парадную дверь, заколоченную с двадцатых годов прошлого века. Чуть позже собирались посадить возле нее консьержа (с табельным оружием).

Надо отметить, когда в старинном доме с единственным подъездом жил народ попроще, то никого особенно не волновала заколоченная дверь. Жильцы безропотно огибали дом, шагали по двору и через узкую кишку бывшей черной лестницы попадали на парадные ступени: воображение советского человека не будоражил факт, что дверь эта – не для жильцов, а для простого люда. В незапамятные времена она служила исключительно кухаркам, поломойкам, молочникам и угольщикам. Но в приснопамятном СССР любой труженик почетен, только попробуй проявить замашки барина и заикнись об огромной парадной двери на мраморную лестницу... лишишься партбилета и гордого звания служителя трудовому народу.

Короче. Нынешние жильцы имели другие партбилеты и приоритеты и о парадной двери не только заикнулись, но и потребовали от жилконторы позволить им ходить нормально с улицы, а не через черный ход.

К слову сказать, Евдокия ничуть не сомневалась: зря богатеи пальцы гнут. Фасадом старый дом выходит хоть и в узкий, но все-таки сквер, и посему придется толстым дядям ходить прежним черным ходом. Как миленьким. Машины-то, кроме двора, припарковать им негде.

Но у богатых свои причуды. И только время покажет, насколько полезен вооруженный консьерж у двери, через которую никто не ходит. Набегается, поди, между двух дверей вооруженный бедолага.

Уже на углу дома ощущался сильный запах краски: маляры потому и оставили дверь открытой, подперев ее ведром, устроили сквозняк. Евдокия почти подошла к низенькому, в одну ступеньку крыльцу...

– Стой! Стоять, зараза!!

Дуся сразу же узнала хриплый рык кривоногого охранника фармацевтического офиса. Вздвогнув, вжала голову в плечи.

Как он нашел, как он узнал в девушке, одетой в красную куртку, недавнюю воровку – уму непостижимо!

Но как-то вот сподобился. Без всякого сомнения он справедливо обзывал Землероеву «сволочью» и «драной козой» и на всех парах мчался к подъезду.

Пути назад для Дуси не было. Сбив ногой заляпанное краской ведро, она заскочила в подъезд, захлопнула тяжелую металлическую дверь...

Замок не чавкнул. Рабочие либо повредили, либо обесточили электронику.

Все еще держась за дверную ручку, бестолково надеясь, что замок сработает, Евдокия оглянулась: теперь у нее был выбор – взбежать по узким ступенькам до площадки цокольного этажа и там либо спуститься вниз до распахнутой парадной двери, либо подниматься выше до квартиры Котика на третьем этаже.

На размышление – секунда.

Широкая пологая лестница плавно поднималась вверх по внутреннему желобу подъезда: с площадки цокольного этажа обзор – как на ладони. Евдокия уже абсолютно провалила хитроумную Котилову комбинацию и привела преследователей напрямик к подъезду дома, где живет служащий их фирмы. Если продолжить в том же бестолковом порядке и взбежать по лестнице до квартиры на третьем этаже... Пока позвонишь, пока Котик дверь откроет... Попадутся оба. Дверь его квартиры расположена слишком неудобно: только голову вверх задери, и вот она, Дусенция, стоит на коврике под кнопочкой.

Удрать через подъезд на улицу?

Нет. Тоже не годится. Вылизанный скверик не дает укрытия, поблизости ни одного магазина или кафе, бежать придется на виду вопящего охранника. Какой-то доброхот из прохожих вполне способен подставить ножку.

Два варианта мгновенно проскочили в перепуганной девчачьей голове и были отвергнуты; глаза успели зацепиться за полуоткрытую дверцу в дворницкую под лестницей.

Крохотный закуток со скошенным потолком, вместилище для метел, ведер, совковых лопат и лично дворника дяди Сливы (Славы, в общем-то) Дуся знала преотлично. Не раз и не два сидела она на продавленном диванчике дворника и дожидалась, пока дядя Слива починит застежку на сандалии, закрепит цепь на велосипеде или наладит заупрямившуюся змейку на куртке. Приличный тихий дядька был обожаем всей окрестной детворой: в дворницкую прибегали переждать дождь, разобрать выброшенную кем-то из жильцов стопку журналов «Крокодил» и попросту чайку попить, если ключ от дома забыл, а мама на работе.

С внутренней стороны дверь в дворницкую запиралась на массивную железную задвижку. Иногда дядя Слива ругался с женой – вредная бабища, помнится, была, – и оставался «на работе» круглосуточно.

Сегодня дворницкую временно оккупировали маляры. Вдоль стенки напротив двери в каморку стояли пластиковые бидоны с краской, валики в изляпанных лотках-поддонах, коробка с ветошью. Евдокия в два прыжка взлетела по узкой лестнице, спустилась немного вниз до двери в дворницкую и, ловко обогнув грязнящие поддоны и бидоны, шмыгнула в темную, провонявшую скипидаром и краской каморку.

Осторожно потянула дверь на себя – заботливо смазанные петли не издали ни звука, – нащарила щеколду...

В подъезде раздался топот ног и голос:

– Борис Семенович, бегите на улицу, я тут посмотрю!

Судя по звуку шагов, к охраннику уже присоединился обворованный начальник.

– Посмотри внимательно по углам! – приказал тот. – Она могла где-то скинуть портфель, он тяжелый!

Закусив губу, почти не дыша, Евдокия осторожно потащила задвижку к петельке запора... Тихий железный скрип показался оглушительным визжанием, от страха засбоило сердце, легкие сплющились в две перепуганные тряпочки, и голова закружилась от недостатка кислорода...

Евдокия задвинула засов, почти теряя сознание от ужаса, попятилась назад и...

Наткнулась спиной на что-то мягкое и теплое с большими руками. Руки обнаружили себя в момент, когда из горла Землероевой почти вырвался испуганный мышинный писк. Огромная грубая ладонь плотно запечатала рот и одну ноздрю, вторая рука жестко обхватила грудь и выдавила из тряпичных бронхов остатки воздуха.

Прежде чем отключиться совершенно, девушка расслышала несущийся из-за двери непонятный грохот и довольно внятный матерок охранника, после чего крошечная темнота накрыла уже не только органы зрения, но сознание Евдокии Землеровой.

2 часть

Звонок от Максима раздался, когда Илья уже почти подошел к шлагбауму серфинг-станции. Обычно Зубов не брал на берег телефон, оставлял его в отеле – полотенце мало напоминает сейф, а индонезийские секьюрити охламоны до единого. Да и к тому же Илья Зубов не любил отвлекаться на звонки, выныривать из отдыха, словно тюлень из лунки, и попадать головой в далекую, пустую атмосферу деловой Москвы – гори она огнем!

Но только не сегодня. Сегодня прежние привычки пришлось забыть. Зубов положил мобильник в непромокаемый чехол, повесил на шею и, едва тот зазвенел, сорвал одним движением. Сказались нервы.

– Да, Макс! Что случилось?

Уже два дня Илья ждал звонка от папы. Когда же на дисплее высветилось имя юрисконсульта головного офиса отца, вопрос «Что случилось?» вырвался непроизвольно.

– Добрый день, Илья, – напряженно и слегка смущенно проговорил Максим. – Как отдых?

...

– Жгу, – кратко бросил сын миллиардера Зубова. С энергичным молодым юристом отца Илья немного приятельствовал, но никогда не мог предположить, чтобы тот позвонил ему на Бали просто побеседовать. Не те отношения. Значит, что-то случилось, звонит по делу.

Так и оказалось.

– Илья... – замялся Макс, – ты не знаешь, где бы мог быть Лев Ефремович?... Он сегодня важную встречу пропустил...

Фантастически яркие краски океанического побережья поблекли в одно мгновение, превратились в обесцвеченную солнцем фотографию, а звук волны пропал за шорохом дыхания, за стуком пульса в ушах.

У Ильи запершило в горле.

– Вы ему звонили? – спросил он хрипло.

– Недоступен, – как всегда кратко и емко обрисовал ситуацию юрист.

– Давно?

– Два дня.

– Что говорит Берта?

– Она не в курсе.

Илья задумался. Для тех, кто хоть немного знаком с порядками в семье Зубовых, такой ответ Берты – не новость. Иногда, дабы держать молодую жену в узде и тонусе, Лев Ефремович устраивал «показательные выступления». Исчезал на несколько дней, не отвечал на телефонные звонки, давая супруге повод думать, будто ушел налево.

Илью такие привычки отца смешили. Он знал прекрасно: пока, кусая губы, Берта вычисляет, какая из клубных профурсеток позарилась на ее кусок, отец сидит в тишайшем занюханном санатории, единственным достоинством которого является отличная рыбалка на озерных плесах. Сидит на берегу, посмеивается над женой и в ус не дует.

Но нынче не тот случай. Три дня назад Илья отдал отцу результаты наблюдения частного сыщика за Бертой: выложил всю правду-матку в виде фотографий и графика передвижений.

Отец тогда осунулся и постарел прямо на глазах. Взял паузу для приведения в порядок мыслей, снова и снова перебирал довольно качественные снимки, на которых жена целовалась в закрытой кабинке ресторана с худощавым жилистым брюнетом...

Илья реально испугался, когда отец начал машинально потирать левую половину груди и болезненно двигать шеей!

– Папа!

Лев Ефремович вскинул на него невидящие глаза, кивнул.

– Все в порядке. Я понимаю, сынок, почему ты это сделал.

Навряд ли, мысленно ответил сын и нашел в себе силы выдавить неприятно звучащую фразу:

– Если ты думаешь, что дело в деньгах, то...

– Мальчишка, – с мягким укором перебил отец. – Такой бездельник и лоботряс как ты, ради денег пальцем не пошевелит.

На этот раз привычный упрек прозвучал не обидно, Илья пропустил его мимо ушей – не суть, не время, не тот повод. Отец накрыл ладонью фотографии и внимательно пригляделся к сыну.

– Ты знаешь, кто тут с Бертой? – Почему-то голос Льва Ефимовича зазвучал напряженно и ждуще, а глаза сузились.

Илья пожал плечами.

– Какой-то Миронов. Вроде бы это его ресторан. Ты с ним знаком?

– Поверхностно. – Отец отвел глаза. Сгреб разбросанные по столу снимки в верхний ящик письменного стола, какое-то время, крутя в пальцах карту памяти с оригиналами фотографий, о чем-то раздумывал. Потом встал, подошел к книжному шкафу и, нажав на скрытую панель, открыл небольшой тайник за многотомным изданием Вольтера. Положил карту туда и вернул панель на место. – Я хочу, чтобы ты на время уехал за границу, – сказал он, повернувшись к сыну.

– Почему? – Илья вздернул подбородок, строптиво нахмурился.

– Не хочу, чтобы тебя донимали репортеры.

– Будет скандал?

Отец никогда не выносил сор из избы. Откуда репортеры узнают о вероятном разводе?

Если только от Берты. Она наверняка попытается сопротивляться, вонь поднимет...

– Не думаю, – скривился Лев Ефремович. – Просто перестраховываюсь. Оставь мне координаты сыщика, сделавшего эти фотографии, и чтобы духу твоего в Москве не было.

– Надолго?

– Я позвоню.

Судя по выражению лица и особенно глаз, задерживаться с выяснением отношений отец не намеревался; судя по двухдневному молчанию, Берта решила не сдаваться без боя.

Почему-то Илье представлялось, что папа быстро разберется с женой. В тот же вечер выставит ее за порог с чемоданами, попугаем и верной прислужницей гарпией-Галиной, но, видимо, немного просчитался. Наверное, сказалось чисто сыновнее, выросшее из детства: мой папа не может быть слабаком, он победит врагов, накостыляет всем и каждому, он у меня – ого-го-го! Он самый главный в любой песочнице.

Наивно. Но куда деваться от сыновней предвзятости. Тем более что поводов усомниться старший Зубов еще не давал.

Илья безмятежно собрал спортивную сумку – накидал футболок-шортов – и первым же рейсом махнул на Бали. Ни одно место в мире не позволяло ему так отрешиться от любой проблемы: круглогодичный серфинг, полуголые смуглянки, улётные закаты, удары вспученной волны... Каждому свое: кому-то релаксирующий отдых на Гоа, кто-то ловит драйв на досках – в Индонезии все можно совместить. Младший Зубов так любил это место, что даже заводил с отцом нешуточные разговоры: собирался стать инструктором на серфинг-станции. Пару раз они всерьез ругались...

Голос Максима вернул Илью к действительности:

– Алло, Илья? Ты меня слышишь?

– Да. Я думаю.

– Может быть, позвонишь отцу, и он отзовется на твой вызов?

– Попробую.

Не прощаясь с Колесниковым, Илья оборвал связь, набрал номер отца и слушал телефонные гудки, пока вежливый женский голос не сообщил, что абонент не может сейчас ответить на звонок. «Сам вижу, что не может», – расстроено пробурчал Зубов, хмуро поглядел на бушующий океан – какая волна пропадает!

И тут же оборвал несвоевременные мысли – нашел от чего расстраиваться! Отца сначала разыщи!

Папа Лёва вполне мог разругаться с Бертой и уехать за рыболовной нирваной. Зная мачеху, вполне позволительно представить, как шумно та отправится на выход. Таких талантливых скандалов, как в доме у отца, Зубов больше нигде не видел. Иногда Илье даже казалось, отец немного наслаждается спектаклем.

Парень нашел в памяти мобильного только ему известный телефонный номер и поговорил с администратором турбазы.

Льва Ефремовича на озере – не было. И этот факт уже не просто настораживал, а прямо-таки ударял в набат! Отец не появился на деловой встрече, не ответил на вызов сына, хотя знал: Илья переживает за него и ждет звонка.

Наверняка, прежде чем звонить, находящемуся за тысячи километров Илье, Максим попробовал разыскать Льва Ефремовича через знакомых в Москве. Может быть, уже задействована служба безопасности компании, те всю столицу мелким гребнем прочесали.

И получалось по всему: отец пропал на самом деле. Не просто, не фиктивно, не на зло – пропал в день получения компры на Берту.

Она замешана в его исчезновении?

Илья нажал на лоб тыльной стороной кулака, вдавил до боли, даже ударил... Черт, черт, черт! Что она там натворила?!

Не раздумывая больше ни секунды, Зубов-младший ответно вызвал юрисконсульта:

– Макс, отец мне не ответил. Вы пробовали позвонить в больницы и... еще куда?... – Слово «морг» не слетало с языка.

– Да, – лаконично отчитался юрист. – Ты...

В трубке что-то громко взвизгнуло, засвистело – Зубову пришлось резко оторвать трубку от уха.

– Алло, алло, Максим! Ты слышишь?! – прокричал он в мембрану.

Сквозь вой электронных помех не доносилось ни слова. Илья чертыхнулся, обругал сотовую связь и крепко зажал телефон в кулаке: надо выезжать. Бессмысленно сидеть на острове, когда в Москве творится непонятно что. Если Берта как-то замешана в исчезновении отца, отсюда ее не припереть.

Домчавшись до отеля, Илья дал задание портье забронировать билет на ближайший самолет, зашвырнул в сумку попавшиеся на глаза вещи, сгреб с тумбочки всю мелочевку...

Вылет отложили, когда пассажиры уже сидели на борту авиалайнера.

Улыбчивые смуглые стюардессы попросили господ и дам не волноваться, вывели всех обратно в липкую духоту улицы и сопроводили до здания аэропорта: по техническим причинам вылет отложили на неопределенное, даже по меркам неторопливой Азии, время.

Скрипя зубами, взъерошенный и потный Илья уселся в пластиковое кресло, шмякнул сумку между широко расставленных ног: «Достали! То связи нет, то самолет вот-вот развалится... Заброшу серфинг, перейду на лыжи, отдыхаю теперь только в Альпах! Там цивилизация».

Часа через три, так и не добившись от работников аэропорта вразумительного ответа – когда вы подготовите этот чертов лайнер?! – Илья переоформил билет на рейс «Люфтганзы». Решил добраться до Москвы, петляя по Европе. Иначе, судя по видимым из окон аэропорта

неспешным ковыляниям по летному полю низкорослых индонезийцев в спецовках, застрять тут можно еще на сутки.

* * *

Москва встретила своего сына небывалой для середины августа прохладой. Немного промерзший в самолете, заспанный Илья зябко поежился, поглядел на ступни, обутые в сандалии из нескольких ремешков, – на ногах красовались еще и купленные в аэропорту Мюнхена белые носочки. И усмехнулся – жуть! Носки он не носил даже зимой, сразу натягивал ботинки.

А впрочем, чепуха. Илья давно перестал переживать о том, какое впечатление производит, не парился. И кажется, в багажнике машины есть теннисные туфли и спортивная куртка. Дуремар подгонит тачку прямо к выходу из здания аэропорта. «Переоденусь на ходу», – решил Илья, забросил сумку на плечо и отправился к зеленому выходу погранзоны.

Дружище Дуремар, конечно, не подвел. Лихо подрулил на Zubовском «порше», едва хозяин машины показался на тротуаре, и приветственно посигналил.

– Багажник открой и подключи зарядку, у меня мобила поддыхает, – хмуро приказал Zubов. Достал из багажника теплую одежду и, переодеваясь на переднем сиденье, дал маршрутное указание: – Сначала к тебе, там выйдешь, потом я один.

Сергея недоуменно выгнул брови, скосил глаза на друга и раздумал влезать с комментариями – непривычно угрюмый Zubов, стиснув зубы, пропихивал руки в узкие рукава куртки.

Еще в Мюнхене, дожидаясь начала регистрации московского рейса, Илья созвонился с частным сыщиком Паршиным. Спросил Олега, встречался ли тот с отцом, и, получив отрицательный ответ, попросил совета. Парни выросли в одном дворе, Олег – боксер, атлет, авторитет для местных пацанов – был старше на три года. Когда папа Zubов попер в гору и перевез семью в другой район, они совершенно потеряли друг друга из виду, но по разговорам старых друзей Илья знал: после института Паршин засел в ментуре, дослужился до капитана, потом влип в какую-то историю (вроде бы начистил харю подследственному) и еле выкрутился увольнением.

Когда возникла необходимость в хорошем частном сыскаре, Илья сразу же подумал о Паршине, ныне подвизавшимся на вольных сыщицких хлебах. Разыскал его телефон, дал задание и спокойно дожидался результата, поскольку знал – ни один фрагмент грязного белья семейства Zubовых не выплывет наружу. Таких мужиков, как Паршин, не способны испортить ни ментура, ни безденежье, ни даже время.

Олег спокойно выслушал Zubовский отчет о последних событиях с пропажей папы. Несмотря на нынешнюю смену положений – Илья заказчик и работодатель, а Паршин простой наемник, – в отношениях дворовых приятелей мало что изменилось. Zubов ничего не мог с собой поделаться, разговаривая с сыщиком, он постоянно начинал чувствовать главенство последнего. Как ни смешно, но годы и финансы не выбили из головы расположение ступеней дворовой иерархии. Встретившись через пятнадцать лет, попробовав напыжиться и тряхнуть мощной, Илья через две минуты сбился на прежний, чуть ли не заискивающий тон.

Выйдя от Паршина, правда, смачно плюнул – тоже мне хрен с горы, – но ума хватило понять: «Ты сам, Илюша, вернулся к положению нижестоящего, так что нечего и выделываться. Тебе нужен порядочный сыскарь? Ты его получил. А остальное нюансы и твои собственные детские сопли».

– Что посоветуешь, Олег? – присев на минутку в тихом кафе мюнхенского аэропорта, совершенно не вспоминая о глупых иерархиях, спрашивал Илья по телефону. – Разыскивать отца самому? Идти в милицию? Нашей охране хвосты накручивать? Или... сразу к Берте? Я

уже позвонил другу отца, который в нашей компании работает, тот ничего не знает и, кстати, совершенно не беспокоится.

Сказать по совести, Илья совершенно не понимал, с чего начать розыски. Если отец действительно всего лишь разругался с Бертой и уехал с глаз долой в какой-нибудь глушняк, то обращение в милицию обернется хохмой и ехидными статейками в газетах. (Среди ментов хватает прикормленных прессой, так что известие о пропаже миллиардера Зубова моментально просочится в газеты.) Возвратившийся из Тмутаракани батя за такой пиар и в бубен завизировать способен.

– У тебя остались фотографии, что я для тебя сделал? – спросил Олег.

– Нет, я все отдал отцу.

– Жаль.

Спрашивать Паршина о том, не оставил ли тот что-то для себя, совершенно бесполезно. Порядочный сыскарь отдал заказчику все дубликаты вместе с оригиналом. Хотя...

– Олег! Я уверен, что, разговаривая с Бертой, отец показал ей только фотографии, а карта памяти продолжает лежать в тайнике у него дома!

– Отлично. Оригиналы снимков важнее отпечатанных. Как думаешь, твоя мачеха могла до карты добраться?

– Нет, – категорически заявил Илья. – Об этом тайнике знаем только я и папа. Там лежит его завешание, некоторые документы, доверенности...

– Отлично, – перебил Олег. – Без карты памяти лучше не соваться ни к Берте, ни в милицию с заявлением. Тебе надо будет поговорить с мачехой, понять, намерена ли она скрыть вероятный разговор с мужем и скандал. Если она будет делать вид, что в семье порядок, – это даст повод для подозрений. С фотографиями ты сможешь доказать: отец собирался разобраться с женой и пропал как раз после их ссоры, которую жена теперь скрывает. Но без карты памяти твое слово против ее, понимаешь? Берта приплетет сыновнюю ревность, то да сё... Догнал?

– Угу. Моя задача – раздобыть карту памяти.

– Добудешь?

– Легко.

– Тогда я на созвоне.

Убирая мобильный телефон в нагрудный карман пестрой рубашки, надетой поверх футболки, Зубов мрачно усмехнулся: с обещанием легко достать карту памяти он, мягко говоря, погорячился. Квартиру отца и Берты охраняет высохшая от злости очковая кобра. Когда Илья приходил к отцу, ему казалось, что в прихожей встает на хвост и распускает капюшон белесая змея из мультика про Маугли.

И обойти эту змеищу невозможно. Галина дальняя родственница Берты, предана ей до последней капли ядовитой крови, Илью на дух не переносит. Невзирая на видимую тщедушность организма, способна закусать до смерти, как минимум – повиснуть на ноге и не позволить остаться одному в кабинете.

Вырубить ее, что ли? Как зайти, сразу хук под дых, в шкаф засунуть – и на ключ...

Мечты. Причем откровенные и воображенные в деталях. Под гипнотизирующим взглядом бесцветных глаз Илья даже нормально поесть в отеческом доме не мог! Последние несколько лет старался встретиться с папой на нейтральной территории или зайти в момент, когда обеих женщин дома нет.

Так что стоит только очутиться в квартире – голову можно в заклад оставить, – кобра молча потащится следом и не отступит ни на шаг. К малейшей просьбе оставить в покое оглохнет напрочь. Уже бывали прецеденты. По сути дела домработница, Галина считала Берту хозяйку и подчинялась только ей. Отец не вмешивался, ему змеища не перечила.

И что же делать? Сегодня, кровь из носу, важно остаться в кабинете отца одному. Нельзя при Галине открывать тайник за томами Вольтера, Берта про него не знает.

Или... плевать? Пусть видит.

Ага. А потом отец вернется и обалдеет: ни одного тайного места в доме не осталось! Он не давал Илье права рассекречивать хранилище.

Может, и правда – хук под дых и в шкаф? Замка-то на двери в кабинет нет, с обратной стороны не запереться...

Но даже если запереться. Берта не дура. Потом весь маникюр обломает, но тайник разыщет.

Остается один вариант – придти в квартиру, когда Галина выйдет.

А из дома она в обязательном порядке выходит дважды: первый раз по магазинам утром, когда Берта уезжает на работу (парой бельевого бутика руководить), второй раз в начале шестого вечера, поскольку хозяйка ломает свежие булочки, даже сидя на диете. Точнее, сидя на диете, она обгрызает хрустящие корочки зернового хлеба, который каждый вечер ей в зубах приносит Галя из булочной на проспекте. (Недоумевающим по этому поводу приятельницам, Берта заявляет, что придерживается питания по знаку Зодиака. Она у нас Дева, а главная отличительная черта питания Дев – самозабвенная любовь к батонам).

Так. С расписанием понятно. Осталась дислокация.

Перед подъездом можно спрятаться только за деревьями детской площадки. Но есть опасность, что в момент выхода (выползания) змеи из дома появится какой-нибудь знакомый из жильцов, окликнет Илью...

Подобный конфуз может случиться и в подъезде, если дожидаться выхода Галины этажом выше. Как известно, самые хитроумные комбинации горят на пустяках: сосед отправился собаку прогулять, вышедшая с мусорным ведром прислуга проявила бдительность и начала задавать вопросы в самый неподходящий момент.

Так и не выбрав точку наблюдения, Илья решил оставить задачу на потом и определиться уже на месте – как пойдет. Как фишка ляжет.

Фишка легла удачно. В подъезде делали ремонт, несколько узбеков (или таджиков?) затаскивали в каморку под лестницей бидоны с краской – судя по ее количеству, стены собирались вторым слоем покрывать, – оставили дверь крошечного помещения полуоткрытой и с довольными рожами почесали из подъезда. Возможно, отдохнуть и дожидаться, пока подсохнет первый слой краски, возможно, отошли до пирожковой, но главное – ушли в самый подходящий момент. Для извлечения карты памяти из тайника Илье надо-то не более пяти минут.

Зубов осторожно обогнул бидоны и поддоны с валиками, прошел в каморку и, оставив дверь полуоткрытой, посмотрел вверх: обзор на лестницу получился прекрасный. Вероятно, прекрасный вид испортят бледные Галины ноги, сверкнувшие под подолом...

Эх, надо б не забыть зажмуриться, не то стошнит.

Илья разыскал в потемках картонку, накрыл ею наиболее подходящий бидон и уселся на крышку дожидаться знакомого, гулко-дверного хлопка и плоскостопного шарканья подошв змеицы.

«Хорошо бы не запаздывала, – мелькнула мысль. – Строчусь тут над бидонами с краской, как последний малолеток».

Дверь чавкнула в положенное время. Галина зазвенела ключами, Илья встал с бидона и ушел немного в тень... Подобрался.

По подъезду разнесся двойной и громкий стук входной двери со стороны двора.

«Твою мать! – мысленно ругнулся Зубов. – Кого там принесло?!»

Илья прислушался: человек, зашедший в подъезд, не собирался подниматься – замер у выхода на улицу.

«Ну! Ну! – молил его Зубов. – Давай, давай, чеши отсюда! Поднимайся наверх или на улицу через подъезд выходи!» Ему совершенно не хотелось вылезать из подлестничной клетушки на глазах кого-то из соседей. Тут на кого нарвешься.

Легчайшие шлепки шагов неожиданно прозвучали возле самой двери в дворницкую. Зубов испуганно отпрыгнул в темный угол...

В каморку заскочила худенькая девчонка с большим пакетом. Не замечая спрятавшегося в темноте Илью, девчонка сразу повернулась к нему спиной и осторожно, стараясь не скрипнуть дверью, вначале ее закрыла, а потом и вовсе заперла на задвижку.

По подъезду затопали уже тяжелые шаги, какие-то мужики орали на весь дом – они явно разыскивали эту девчонку и какой-то портфель. Зубов стиснул скулы до боли и с трудом удержался от желания вышвырнуть явную воровку пинком за дверь.

Но где-то там неподалеку, выше, выпцветшая очковая кобра справилась с замками и ковыляет по ступеням. Еще минута – и она столкнется с одним из мужиков, оставшимся обыскивать подъезд.

Девчонка отпрянула от двери, спиной наткнулась на Зубова...

«Сейчас раздастся визг», – обреченно понял Илья, схватил воровку в охапку и крепко зажал ладонью ее рот.

Под рукой девчонка все же пискнула, затрепыхалась, но обмякла так быстро, что Зубов на секунду забеспокоился: не сломал ли девке шею?!

Возле каморки что-то упало и громко стукнуло о дверь; непонятные звуки сопроводил внятный матерный посыл.

В этот момент из разжавшихся пальцев воровки выскользнули ручки пакета, нечто тяжелое и твердое уголком приземлилось на ногу наследника миллиардов Льва Ефремовича. Зубов выпучил глаза и не заблажил лишь чудом: «Кирпичи она что ли со стройки ворует?!»

– Эй, вы что тут делаете?

Голос гарпии раздался над самой головой, Илья невольно посмотрел на потолок и сжался. Если из девчонки еще что-то вывалится – украденная с яхты рында, например, – копец всему!

– Вы тут девушку в красной куртке не видели?!

– Какую девушку? – степенно поинтересовалась гарпия.

– Она машину обокрала! Сюда забежала минутой назад!

Илья отлично представил, как высокомерно жует губами Галя, как морщит желтый лоб...

– Не видела.

– Ах, дрянь! – явно адресуясь не к Галине (а зря), проорал мужик и затопал к выходу на улицу. – Борис Семенович, погодите... – затихая вдали, донесли до Зубова слова.

Девчонка слабо заворочалась, забилась, Илья обратил внимание, что почти зажал ей нос ладонью, и ослабил хватку. Бросать попросту на пол не стал, хотя хотелось очень. Перегрузил вялое тело на древний диван и мало беспокоясь за чистоту последнего, прислушался: шаркающие шаги домоправительницы шуршали уже на подступах к улице.

Девчонка завозилась на диване.

– Тихо! – цыкнул Зубов. – Ни звука!

Он повернулся к двери и осторожно потянул задвижку. Та уехала в сторону почти беззвучно, но едва Илья приоткрыл дверь на несколько сантиметров, по обратной стороне дверного полотна проскребала какая-то палка... сползла наискось и вниз... И накрепко заклинила дверь с обратной стороны.

Как у вороны из басни Крылова у Ильи в зобу дыхание сперло. Мужик, разыскивавший в подъезде воровку чемоданов с кирпичами, зацепил в узком закутке малярный валик, тот свалился ручкой на дверь и заклинил ее напроць.

«Придушу дрянь!» – мысленно взъярился Зубов, обернулся к девчонке...

Двухсантиметровый лучик света падал на перепуганное лицо с безумно выкатившимися глазами. Навряд ли она разглядела в темноте убийственный настрой Ильи, скорее всего, предположила по резкому развороту и сжалась в комок.

Тьфу! Даже подзатыльник дать противно. Кошка драная. Замкадыш или лимита, голь перекатная, кирпичи ворует.

Или слитки золота?

Да какая на хрен разница! Хоть бриллианты ведрами! Дверь закрыта!!

Илья вновь повернулся к двери, осторожными рывками подергал ручку... Попробовал нажать плечом, заставил ее поерзать...

Бесполезняк. Чисто трактором приперло.

Может быть, найти какую-нибудь проволоку, изогнуть ее крюком и просунуть в щель...

– Здравствуйте, Инесса Станиславовна! – раздался чуть ли не над ухом еле слышимый голос гарпии.

– Добрый день, Галина, – отвечал бархатно-барственный баритон тучной тетке с четвертого этажа. (Илья прозвал ее гусыней.)

– А я вот тут в булочную направилась, – противно засюсюкала зубовская домработница. – Глядь – дождь пошел. Вернулась за зонтом. Вы, я смотрю, тоже без зонтика, а там...

– Меня шофер встречает, – безразлично обрезала Инесса Станиславовна и ходко зашелестела мягкими подошвами на выход.

– Ну да, ну да... – приветливо проговорила гарпия. И уже наверху добавила: – Смотри от жиру не лопни, сволочь старая.

На ватных ногах Илья попятился к бидону и опустил на него, чувствуя, как о ребра бьется сердце, а по спине сползают противные, холодные капли пота.

Если бы палка не заклинила дверь, он вышел бы из-под лестницы и до появления в подъезде вернувшейся Галины успел попасть в квартиру. Расслышать разговор домработницы и гусыни не получилось бы, поскольку в это время Илья уже должен был находиться в кабинете. К моменту появления в квартире Галины он как раз стоял бы у раскрытого настежь тайника. Илья заранее решил не запираť входную дверь, а только позвонить на пульт охраны.

Гарпия, увидев, что дверь не заперта, наверняка зашла бы в квартиру на цыпочках.

Ух! Представлять не хочется, что случилось бы дальше. Вероятно, сбылись бы юношеские мечты, и Галя получила хук под дых. У старой девы мозги в порядке, она догадалась бы подсмотреть, что в кабинете делает хозяйкин пасынок, и ни за что не выпустила бы Илью из квартиры с чем-то тайком изъятым из секретного места.

Пришлось бы прорываться на выход с боем. С исцарапанным лицом, выдранными волосами и обкусанными лодыжками. Такие церберы хозяйское добро на вынос не дают без драки.

По большому счету ничего особенно ужасного не произошло бы – ну, рассекретил папин тайничок, ну, врезал старой гримзе под ложечку...

Но – неприятно. Как давным-давно, в детстве при игре в прятки или казаки-разбойники, ноги стали ватными, сердце застучало. Попадать в неоднозначные и патовые ситуации Илья терпеть не мог.

Утихомирив нервы, Зубов дождался пока вновь не прошаркают шаги Галины, безуспешно подергал дверь и, подумав пару секунд, достал из кармана мобильник и разыскал в нем телефон соседа Гаврилова.

– Привет, Гоша. Ты где?

– Привет, – безрадостно поздоровался приятель. – На Ленинградке в пробке загораю.

– Слушай, у меня к тебе просьба. Приедешь домой, загляни в комнатку под лестницей в подъезде. Я тут застрял, выручай дружище.

Скучающий в заторе сосед оживился.

– Чего ты там под лестницей забыл? – спросил заинтересованно.

– Долго рассказывать. Хотел Берту разыграть и случайно заперся. Откроешь?

– Да не вопрос, – хмыкнул Гоша. – А...

– До встречи, с меня проставка, – оборвал разговор Зубов, поглядел на скукожившуюся в уголке дивана воровку-барсеточницу и подумал: а почему б не поразвлечься, коли делать все равно нечего? Илья легонько пнул ногой белеющий в темноте пакет. – Ну, давай колись, подруга. Как докатилась до жизни такой? Зачем у Бориса Семеновича стащила портфель из машины?

Вычислить, кто из бегающих по подъезду мужиков – владелец «чемодана кирпичей», показалось легко: один называл второго по имени отчеству, Борис Семенович привычно раздавал команды.

Девчонка испуганно съежилась и в ужасе захлопнула глаза.

«Неопытная», – весело подумал Зубов и сделал страшное лицо.

Мозг Евдокии Землероевой поступил своеобразно: милосердно изъясил из памяти последние (жуткие) минуты, предшествующие обмороку. И потому, очнувшись в темноте, Евдокия вначале не смогла понять, почему это она валяется в мрачном, пропахшем краской закутке, на неудобной комковатой лежанке, а здоровенный мужик на нее злобно цыкает и дергает дверь.

«Господи, где я?! – проскочила испуганная мысль, подстегнула сознание и помогла вернуться памяти: – Я в дворницкой под лестницей Котикового дома. Здоровенный тип меня только что лапал. Шеф Коти и охранник носились по подъезду... Боже! Я все провалила!! Где портфель?!»

Портфель безропотно валялся под ногами верзилы, тот вел себя с подозрительной осторожностью – прислушивался к разговорам в подъезде, явно тайлся...

Он – вор?! Такой же, как теперь и примерная тишайшая отличница Землероева, преступник?!

Ой, мамочки! Дуся съежилась в комок, пробежалась глазами по крошечной тьме коморки и попыталась отыскать какое-нибудь оружие вроде дворницкой метлы или, желательно, тяжелого заточенного скребка...

Ни зги не видно! Полезет снова лапать, придется отбиваться кулаками.

Верзила тем временем, не обращая ни малейшего внимания на потенциальную жертву изнасилования, достал из кармана сотовый телефон и повел беседу. Голубоватый отсвет дисплея бросил на лицо вероятного преступника слабые мертвенные блики, и у Дуси маленько отлегло от сердца: на бидоне, болтая в воздухе спортивной тапкой, сидел мажор из седьмой квартиры. Насиловать девушек по подъездам такому обормоту вроде ни к чему.

Евдокия тихонечко подобрала разбросанные по дивану ноги.

– Ну, давай колись, подруга, как докатилась до жизни такой?...

Судя по дружелюбному обращению, мажор ее узнал, но попытаться отмазать от преступления Котика все-таки стоит. Зажмуривая глаза, Евдокия набралась наглости и выбросила:

– Отвянь! Не твое свинячье дело.

«Вот режьте меня на куски! – пылало сердце Дуси Землероевой. – Пытайте, гады, к стенке ставьте, ничего не добьетесь! Я в этот подъезд забежала случайно, Котик ни при чем, я одна за все отвечу».

Когда Землероева храбро нахамила и открыла глаза, мажор принялся рассматривать ее с еще более веселым изумлением.

* * *

День, когда Илья впервые увидел будущую воровку чемоданов, Зубов запомнил навсегда и мог с точностью назвать число: восьмое августа, семь лет назад. В тот день отец впервые

посадил двадцатилетнего бездельника под замок. Отобрал ключи, запер на все запоры и поехал решать – проблему.

За день до этого, седьмого августа, младший Зубов сильно накосячил. Напился. Подцепил в каком-то гнусном кабаке, щедро размалеванную соску и плохо помнил, как оказался на хате, полной обкуренных всевозрастных торчков.

Он вообще не помнил той ночи в точности. Куда-то ехали, чего-то покупали, уже на хате какие-то воняющие кислятиной тетки лезли целоваться... По перегруженным народом и мусором комнатам бродили взлохмаченные «плановики», в углах ловили кайф ребята посерьезней... Через некоторое время Илюше стало дурно...

Утром туда нагрянули «маски-шоу». Девушка, что притащила Зубова в этот бардак, остыла насовсем. Илюшу «приняли» наравне со всеми, оттащили в кутузку...

В общем, в себя он слегка пришел только в обезьяннике под крики старшего Зубова. Папаша разорялся, обещал «уволить всех на хрен!», наследника выволок из-за решетки за шкирку.

Привез домой, надавал по шее и посадил под замок, «пока мозги на место не вернутся!».

Мозги, по правде говоря, вернулись только через сутки. А в тот момент Илье почему-то, кровь из носу, потребовалось куда-то рвануть. Он вышел на балкон, поглядел вниз – высоко, придется три простыни узлом связать – и тут увидел на соседнем балконе прятавшуюся за картонной коробкой малолетку, неумело пытающуюся раскурить, вероятно, первую в ее жизни сигарету.

Девчонка смешно попыхивала дымом, а тот ей лез в глаза. Не отвлеки девчонку окрик Зубова, наверняка бы, вырвало через минуту.

– Эй! Мгм, детка...

Детка испуганно и резко выпрямила руку, ударилась о прутья ограждения балкона, и сигаретка, рассыпая искры, упала ей на голую ногу.

В общем, понятное дело – попалась. Оставаясь на корточках, она вытянула вперед шею и несколько секунд молча таращилась на дяденьку-соседа.

– Девочка, я могу перебраться на твой балкон и выйти в подъезд через вашу дверь? – доходчиво и чинно (не дай бог, перепугается и убежит!) спросил Зубов, сам, по правде говоря, соображающий еще куда как туго. – У меня замок заклинило.

Детка помотала головой. Встала во весь рост – длинная тощая соплюха лет четырнадцати, – и ответила:

– Тети Зины и Костика нет дома...

– Не бойся! – Илья предупредительно поднял вверх обе ладони. – Я не домушник, я ваш сосед – Илья Зубов.

– Не мой, – покраснев, забормотала девочка, – я тут в гостях у тети Зины, а она в мага... Какая разница!

– Мне только перебраться на ваш балкон и выйти из квартиры! – перебивая стыдливый лепет, горячо воскликнул похмельный папин сын. Убраться бы из дома до возвращения отца, не то замучает нотациями! – Пожалуйста! Я быстро, раз – и меня нет.

Девчонка пожала плечами, шагнула в сторону и показала, что не возражает.

По карнизу, проходящему на уровне третьего этажа старинного дома, спокойно можно прогуляться парами. Илья перемахнул через чугунное ограждение балкона, порадовался, что дом признали каким-то там архитектурным памятником и запретили уродовать фасад разнообразными балконными остеклениями. Быстро перешел в соседнюю квартиру.

Уходя за дверь, задержался на пороге и, посмеиваясь про себя, не удержался от нравоучения:

– А курить, девочка – вредно.

Девчонка вскинула на дяденьку серьезные зеленые глаза и очень по-взрослому ответила:

– Отвянь. – Подумала и пискнула: – Не твоё свинячье дело.

* * *

Если бы только Землероева знала, что папенькины сынки вроде Илюши Зубова в упор не видят и не помнят замкадышей вроде Дуси, молчала б в тряпочку! И вся история, пошла б другим путем. Совладелец сети супермаркетов Гаврилов открыл бы приятелю дверь, тот, не попрощавшись с воровкой чемоданов, выскользнул бы наружу – и был таков. Какое ему дело до барсеточницы в красной куртке? В милицию звонить как-то не с руки. Объясняйся потом, как оказался под лестницей в «приятнейшей компании».

Вся история закончилась бы, наверное, очень плохо, но совсем не так. И об этом позже. Продолжим с момента, когда самонадеянная Дуся – «Раз я Котикова соседа опознала, то и он меня обязательно узнал» – раскрыла рот и выдала кодовую фразу относительно «отвянь», а Илья на секунду оторопел. И присмотрелся к девчонке: «Не может быть! Та самая «курильщица» с соседнего балкона!»

Через мгновение встал с бидона.

– Так-так, – сказал насмешливо. – Ты что же, получается... Чужую сумку к этому щекастому несла?

Вначале Евдокия решила играть в молчанку. Отрезать одной фразой и заткнуться – хоть режьте, хоть пытайте. Но гадский мажор обозвала ее Котика щекастым, и такого Евдокия снести не смогла.

– На себя посмотри, – огрызнулась храбро. – Я тут просто мимо проходила.

– Да, да, конечно, – язвительно хмыкнул Илья. – Ты просто мимо проходила с ворованным портфелем.

– Отвянь.

– Да мне как бы и дела нет, – пошел на попятный Зубов. – Стащила и стащила. – Задумался. Сказать по правде, как зовут краснощекого здоровяка из квартиры по соседству, Илья не помнил. Тот как-то смешно пытался с ним подружиться, пару раз подкарауливал Зубова на лестнице и наивно хвастался второразрядными знакомствами, в приятели пытался просочиться. Противный тип, заискивающий, скользкий.

Но как же его зовут?!

– Послушай, подруга. – Зубов присел перед девушкой на корточки, и та испуганно поджала ноги. – Твой этот... сейчас дома?

– А тебе какое дело? – настороженно поинтересовалась Дуся.

– Ну мне как бы есть дело. Я домой хочу попасть незаметно. Пустите через своей балкон? «Пропала, – заполошенно и обреченно подумала Дуся. – Совсем пропала. Если Котик откроет дверь и увидит меня с портфелем и с этим...»

– Нет, нельзя, Костика нет дома, он вообще уехал, я просто мимо проходила... – затараторила Евдокия.

– Конечно мимо! – не стал настаивать отвратительный мажор. – Я тоже просто перелезу через ваш балкон. Годится?

– Нет. – В этот момент Евдокия решила, что раз уж влипла, то выбираться будет одна. Костику и так досталось. Сейчас, наверное, бедняжка голову сломал – куда сестра запропастилась, что с ней произошло, попалась или нет?...

И позвонить ему нельзя: она же «мимо проходила»!

Евдокия упрямо сдвинула брови и губы, сложила руки крестом перед грудью: пытайте, оккупанты, слова не добьетесь.

– Не хочешь, значит, помочь? – задумчиво окинув «партизанку» взглядом, буркнул Зубов. Встал прямо и картинно почесал в затылке. – Ну что ж, подруга, считай, сама напро-

силась. – Медленно достал из кармана мобильник. – Какой там у нас номер милиции, ноль-два, кажется?

– Не надо! – перепугалась барсеточница и вскочила с диванчика. – Не надо в милицию, ПОЖАЛУЙСТА!!!

Ухмыляясь в темноте, Зубов отключил мобильник.

Кажется, повезло нарваться на влюбленную дурочку. Ишь как взвилась. В огонь и в воду...

– Ну что ж. – Илья уверенно примостился бочком на бидоне. – Давай рассказывай, как докатилась до жизни такой. Тебя как, кстати, зовут?

– Евдокия, – опустив голову, вздохнула влюбленная воришка.

– Дуся, значит. И что же ты, Дуся, портфели-то ворует?

Гаврилов застрял в далекой пробке, время поразвлечься было.

– Я не ворую, – вскинула голову девчонка. – Я на время взяла.

– Ага. На время. А зачем к щекас... А зачем сюда тащила?

– Просто так.

– Ну, это ясно. Мимо пробежала. А что в портфеле? Знаешь?

Никогда в жизни тишайшая Дуся Землероева не думала, что сможет возненавидеть человека за какие-то двадцать минут. Даже когда противный Мишка Фрязин вылил компот в ранец, возненавидела его на пять минут, но потом жалела, поскольку остолоп Фрязин выливал компот на глазах завуча Страшилы, а после два урока ревел в учительской, дожидаясь отца с ремнем.

Не смогла возненавидеть даже соседского пса Мухтара, который цапнул за ногу и разорвал новые колготки в бабочках. А Дуся тогда вся нарядная на день рождения Синицыной топала. (Опоздала, конечно, и пришла зареванная к разграбленному прочими одноклассниками столу.) Но все равно продолжала носить Мухтару разваренные куриные лапки от маминного холодца.

Не смогла возненавидеть даже оглушительно красивую подружку Котика Марину! С синими, как цветки льна глазами и грудью пятого размера. Страдала тихо и мечтала о цветных линзах для своих зеленых глаз, и значительно налегала на капусту.

Противного мажора, что развалился на бидоне и ногой покачивал, возненавидела каждой фиброй, каждой клеточкой, тончайшим нервом – нашла бы чем, огрела б по башке! Костюмчик заграничный, прическа от стилиста, морда сытая, загорелая, самодовольная, издевается, ухмылка во всю рожу...

– Пошел ты к черту.

– Ого. Какие мы сердитые. – Как вести себя с влюбленными малолетками Илья, пожалуй, подзабыл. Все его девушки ловко припудривали истинные чувства и умело доставали сущность из пудры-нафталина по мере разумной необходимости. А тут, гляди-ка ты, какая первозданная нетронутая чепуха нарисовалась. – Ладно, подруга, считай – проехали. Не трогаю я твоего щека... Как его кстати, зовут? Вечно имена путаю.

– Моего брата зовут Константин.

Ба. Неужто ошибся?! Неужто у нас тут «сорок ласковых сестер»?

– Лады. Брат так брат, все остальное ваше дело.

– Да не ворует мы!.. То есть я не ворую! Взяла на время!

– Тихо, тихо, не кипишись! Мое дело – сторона. Пропустите на балкон – и мы в расчете.

Евдокия не могла представить, как приведет этого гадкого мажора к Костику!

Кусала губы, чтобы не расплакаться, и морщила лицо: господи, ну до чего же не везет!! Ну почему все так противно обернулась?! Вначале привела охранника и шефа напрямик к подъезду, потом наткнулась на этого самодовольного болвана!

(Пока события развиваются по всем законам жанра: двух молодых антагонистов запирают в темной камере, испарения лакокрасочных материалов туманят незрелые мозги, бушуют независимые страсти... Он полон равнодушия, в ней вспыхивает ненависть.

Что, разумеется, есть полнейшая красота и почва для потенциального романа.

Даже в крошечной темноте он отметит, что у нее стройные ножки и выразительные глазки, она чуть позже поймет, что он не полное дерьмо, а мило притворяется. Мизансцена в камере вполне может завершиться невинным (либо случайным) поцелуем.

Потом на сцене появится парочка чистопородных негодяев антигероев: Константин и Берга.

Что дальше? Заревнует ли (наконец-то!) коварный брат почти сестру? Что предпримет убийственно неверная жена и подлая мачеха? Где батюшка-миллиардер?! И будет ли свадебное платье от Лагерфельда и обручальное кольцо с брильянтом размером в кошкин глаз?

Обождём маленько.

Пока что у него пожар, а у нее потоп. Авось: объединят усилия и постепенно влюбятся. Загасят его пожар ее потопом. Вся история политики и дипломатии на том стоит.

А пока же два человека задыхаются от испарений краски и наощупь пробуют найти консенсус.)

Понимая, что никчемный, от скуки, интерес может все испортить, Илюша Зубов наступил любопытству на горло. Состроил добродушное лицо, взъерошил волосы:

– Проехали, подруга. Мне ваш промысел до лампочки. Пропустите через балкон и мы в расчете – я не при делах.

С губ Дуси Землероевой рвались горячие, оправдательные речи. Стыд распирает изнутри, огнедышащим, пылающим драконом летел из Дуси наружу: ее признали воровкой!! Уничтожили благодушным признанием! Вогнали в стыд, в прах, в ничтожество!

Вытерпеть это невозможно. В голове клокотали и бестолково множились сумбурные слова, глаза намокли и сверкали из потемок безумными фонарями.

Упреки совершенно справедливы. И от признания страшного факта становилось еще горше и гаже. От невозможности оправдаться или взорваться Землероева не нашла ничего лучшего, как разрыдаться. Из самого нутра, из самых разобитых глубин разодранной души, из мысленного бурелома и терновых дебрей выплеснулся в темноту тихий щенячий скулеж.

Опустившись на диван и сдвинув колени, Дуся разрыдалась в полный голос. Вначале пыталась приказать себе: «Прекрати, тупица, сырость разводить! – Потом с каждым новым всхлипом все больше уходила в самозабвенные рыдания и начинала получать от судорог диафрагмы карающее, мучительное удовольствие. Вываливала, вытряхивала наружу кошмарную нервотрепку, прополаскивала душеньку в слезах...

Жесть. Что делать с рыдающими любовницами Зубов знал прекрасно. Как успокаивать подвывающих барсеточниц, на части режь – не мог представить!

Влепить пощечину? К себе прижать, обнять?!

Девушка, кажется, рыдала в истерическом экстазе. Захлебывалась, маму поминала, обреченно заходила в выразительных конвульсиях...

Не жесть, а жопа. Тут скоро Галя с зонтом вернется, а эта клуша на весь подъезд страдает!

Зубов стремительно спорхнул с бидона, облапал Дусю, уткнул зареванное лицо себе в грудь.

– Тихо, тихо, дурочка... Не надо плакать...

Все бабы одинаковы. Хоть воришки, хоть любовницы, хоть клуши распоследние. Едва в приятной близости появилась мужская жилетка (пардон, футболка) и впитала слезы, всхлипы пошли на убыль, прорезались слова:

– Мы это... Не хотели!! – скулила девчонка, поливая футболку слезами.

- Конечно.
- Мы это... Все назад вернем!!
- Еще бы.
- Мы это... Мы не воры!! Мы просто...
- Кто?

Дуся подняла на Зубова измазанное тушью личико, провела под мокрым носом ребром ладони.

- Мы не хотели.

Ревущих баб Илья не выносил. А эта еще и рассопливилась не вовремя.

- Успокойся, веди себя тихо, если не хочешь, чтобы соседи вызвали наряд. Понимаешь?

- Угу, – судорожно всхлипнув, кивнула воришка. – Я, правда...

– Мне нет никакого дела до твоих закидонов, – перебивая, строго произнес Илья, поскольку знал, как быстро, только позволь, возвращаются истерики. – Я просто прошу тебя вести себя тихо. Понимаешь?

Девчонка покорно кивнула, отстранилась.

Зубов вернулся на бидон и отвернулся, дабы всхлипывающая клуша не видела, как гуляют под кожей скул желваки и презрительно кривятся губы. Нарвался! Наткнулся на истеричку с проблемами, застрял на этой зачуханной помойке.

Над головой по лестнице топали ноги жильцов, брякали дверные ключи, пару раз собаки тявкали. Из темного угла едва слышно доносились затихающие всхлипы.

– А ты как хотел над Бертой подшутить? – минут через десять раздался тихий сиплый голосок воровки.

«Не суй свой нос», – вначале захотел оборвать Илья. Делать ему нечего, перед барсеточницей распинаться.

- Она ведь твоя мачеха, да?

Сарафанное радио в доме поставлено.

- Она... ничего себе... красивая.

Услышав скромную оценку экстерьера мачехи, Илья невольно хмыкнул.

Красивая?

Улетная!! Потрясная! В шестнадцать лет у Зубова весь шифер с башни сорвало, когда отец привел в их дом миниатюрную брюнетку с повадками обласканной хозяйками кошечки! Один раз взглянул и онемел: казалось, сапфировые глаза Берты знали о мужчинах ВСЕ. Они притягивали, обещали, тут же – отталкивали и снова звали за собой. Взгляд уводил и связывал рассудок, обманывал, подчинял, дурачил, сулил...

Илья никогда не думал, что отец будет долго изображать безутешного вдовца. Некоторых любовниц папы он даже видел.

Но только не в их общем доме.

Берта появилась там как наваждение. Всевластно и мягко просочилась в огромную квартиру и сразу заняла в ней место, хотя не принесла с собой даже зубной щетки. Уютно свернулась клубком в уголке дивана, замурлыкала, прилизала-причесала шелковую шерстку и подчинила дом себе. Наполнила каждый закуток своими ароматами, в абсолютно мужской холодильник постепенно проникли всяческие кошачьи продукты: нежирная птичка, творожок, диетические вкусности... неаппетитная Галя.

Маму Илья не любил. Так получилось, не повезло – мама не нашла в себе благородства уйти достойно. Долгая болезнь иссушила ее разум, вывернула наизнанку интеллект, каждая встреча с мужем и сыном заканчивалась истерическими упреками: «Вы меня не любите! Я, я расплачиваюсь болезнью за ваше благополучие! Вы эгоисты, себялюбцы, аспиды, мучители...»

Каждая встреча с мамой заканчивалась отвратительной сценой: злые слезы, несправедливые упреки, маразматические припадки ярости. Подобные приступы отпугнули от мамы

самых преданных подружек, дом наполнился приживалками-кликушами со скисшими лицами и поджатыми губами. Зубов старший не выдержал истерик и перевез жену в загородный дом, подальше от подрастающего сына.

Илья навещал маму сначала раз в неделю, потом через одну, потом приезжал, если только врачи обещали сделать предварительный успокаивающий укол.

Но...

Так получилось. Не все могут достойно выдержать ниспосланные испытания, не всем хватает благородства не отыгрываться на близких. Илье не повезло. Его мама оказалась слабой.

Отец пять лет менял любовниц. Мелькали разглаженные ботексом однотипные лица, пчелками роились красотки первой свежести...

Войти и задержаться навсегда получилось только у Берты. Один ее взгляд на подростка Зубова моментально объяснил последнему: «Так будет. Я пришла и больше не уйду», – сказали сытые сапфировые глаза сиамской кошки.

Ух! Дух захватило от плещущихся в синем омуте зрачков!

Этот взгляд сводил Илью с ума. Глаза словно бы что-то обещали. Играли. Ласково подманивали, цепляя длинными ресницами-коготками душу, уводили в мечты, раздаривали...

Смешное, архаично-книжное слово «грезы» наиболее точно смогло бы передать состояние, в котором Илья провел последующие полтора года. Взгляд мачехи преследовал ночами, каждый день превратился в ожидание чего-то... чудного, горячего, запретного. Берта играла с пасынком, словно с мышонком. Подманивала и отпускала, насмешливо, лениво запускала коготки в растрепанную шевелюру, потом отталкивала.

Как ни наивно, но только через полтора года почти влюбленный недоросль обратил внимание, что Берта нисколько не выделяет его из толпы. Она элементарно и обычно смотрит так – на каждого, кого посчитает достойным внимания. Она попросту родилась с такими сволочными глазами и пользуется ими, словно оружием. Даже невольно мачеха поглядывает, словно раздает авансы. Подкрашивая губы, играет с собственным отражением. Оттачивает мастерство на любом попавшемся объекте. Взгляд ей присущ, врожден, осмыслен и употреблен, как голос – оперным певцом, как ноги – футболистом, как волосы – Самсоном. Игривые глаза дурачат идиотов, и первыми в списке стояли оба Зубовых.

Как ни смешно, но, сделав это открытие, Илья решил поговорить с отцом.

Не стоит приводить здесь этот разговор. Илье казалось, что он искренне обеспокоен за папу и пытается открыть ему глаза: жена тебя дурачит!

Отец повел себя достойно. Лишь через несколько лет сам Илья понял, что причиной того разговора выступило не беспокойство за отца, а обыкновенная ревность. Смешная примитивная ревность мальчишки к заигравшейся в авансы женщине.

Глупо. И зря отец пощадил тогда сына, не став ничего ему объяснять и нажимать на болевые точки. Илья посчитал, будто жена отцу важнее сына, и отношения с Бертой разладились совершенно. Мачеха не захотела заново, на новом уровне приручать парнишку, лениво отвернулась. И к сожалению, к моменту, когда повзрослевший Илья пришел к пониманию причины их разрыва, ушла так далеко, что не смогла вернуться.

Или не захотела. Ей показалось проще вычеркнуть негодного мальчишку из памяти. Берта буквально выжила неудобного пасынка из дома, заставив Льва Ефремовича купить двадцатилетнему сыну отдельную квартиру. При редких встречах с Ильей вела себя демонстративно отстраненно. Отец, как ни скрывал, страдал. Илья мучительно пытался все исправить, искал подходы, а не найдя, даже к психологу наведалься.

Причем наведалься-то исключительно из гордости. Ему казалось смешным за рюмкой проговаривать проблему перед каким-нибудь приятелем, каяться в детской влюбленности, выглядеть ревнивым лопухом, прыщавым недомерком. Но желание поговорить разрывало на части, а гордость не позволила довериться бесплатно. Зубов выбрал баснословно дорогого моз-

говеда, улегся перед ним на кожаной кушетке и битый час, разглядывая высокий протокол с лепниной, повествовал о приключившейся с ним неприятности.

Психолог, сухопарый дядька с высокими затылками, слушал не перебивая. Иногда теребил двумя пальцами вислый кончик носа, но предварительными умными ремарками клиента не расстраивал – дал выговориться. И только в самом конце задал несколько осторожных фрейдовских вопросов – про маму, папу, счастливое детство – и перешел непосредственно к теме Берты:

– Как я понимаю, Илья, вы вините себя в том, что из-за вас у отца не получилось создать полноценную семью?

– Типа того, – хмуро подтвердил Зубов.

– Любопытно, – вздохнул мозговед. – У меня бы, например, возникли вопросы к взрослой женщине, заигравшейся с мальчиком в пубертатном возрасте... не сумевшей сделать поправку на этот возраст.

– То есть? – Илья заинтересованно сел на кушетке, свесил руки между широко расставленных ног.

– Понимаете... Подростки, мальчики слишком всерьез принимают любой аванс, ваша мачеха должна была это понимать...

Носатый сердцевед опытно и сразу расставил все по позициям: мальчик – взрослая женщина. Если бы кто-то другой приласкал Илью «подростком» или «мальчиком», наверняка нарвался бы на грубость. К шестнадцати годам старшеклассник Зубов пропустил через себя половину одноклассниц и, как случайно узнал, получил от них прозвище Кобельеро. В универе Зубов прославился не меньше, таскался – только пыль столбом! Какой он «мальчик» после стольких приключений?!

Но вот загадка: слова психолога не задели. Впервые, словно со стороны, Илья увидел себя и Берту – изнывающего от запретных ожиданий юнца и лукавую Цирцею, превратившую его в отупевшую свинью.

– И что мне делать? – спросил психолога.

– Вы хотите наладить отношения с мачехой? – прищурился тот.

– Ну-у-у... наверное.

Мозговед снова ущипнул себя за кончик носа, надул щеки.

– Я немного знаком с природными кокетками, подобными вашей мачехи. Они...

Слушая психолога, Илья поразился, насколько точно тот описал манеры и привычки Берты, как выверено и осторожно подвел Зубова к пониманию щекотливости положения: наладить отношения с мачехой получится только вновь признав ее чары, поскольку Берте невыносимо видеть равнодушные мужчин. Едва Илья вышел из-под власти кокетки, та потеряла интерес: мужчины могли быть либо поклонниками, либо становились пустым местом.

В какой-то момент Илья даже потерял нить разговора и всерьез задумался: не подыграть ли Берте, раз ей так требуется это чертово поклонение?!

И тут же сам поморщился: игривые манеры мачехи недавно стали раздражать. Да и потом... Все изменилось: Илья уже не тот восторженный подросток, а молодой интересный мужик, и как бы ситуация не вывернулась наизнанку и уже сама Берта не приняла за авансы игру Ильи?...

Проблема.

Зубов поблагодарил психолога, совершенно успокоенным вышел за дверь и больше не вернулся в этот кабинет.

Как показало время – зря. Поскольку совет бывшего психолога потребовался б еще не раз: нового Илью Берта приняла совсем свирепо. Еще недавно виноватый и слегка заискивающий пасынок совершенно успокоился, перестал рефлексировать по поводу ее молчания, остался равнодушен к любым уколам...

Берта потеряла голову – к ней! к ней кто-то сделался совершенно безразличным! – начала мелко и глупо придирается, сталкивать отца и сына по малейшим пустякам.

Илья уже все понимал, насквозь видел, откуда вырастает неприязнь. Он ушел. Не из дома, а почти из жизни отца. Не захотел становиться причиной домашней нервозности. Берту он теперь презирал, папу немного жалел. И чем явственнее выстраивались эти новые отношения, тем сильнее вспыхивала ненависть мачехи.

Две недели назад Зубов встретил почти забытого однокашника Сашку Ковалева – завязанного вранца и пошляка, – тот задал скабрезный вопрос:

– Слушай, Зуб, а у тебя с мачехой еще... не того? Было?

Илье сразу захотелось врезать по сальной роже, но желание мараться быстро пропало.

– Зря, – осклабился бывший приятель по университету, – ее же все равно кто-то на стороне шпилит...

– Фильтруй базар! – взъярился Зубов.

– Я-то фильтрую, – ухмыльнулся сплетник, – а вам-то надо за дамочкой приглядеть.

– Ты что-то знаешь? – напрягся Илья.

– Ну-у-у... Слухами земля полнится.

Намек наполнил голову Зубова колокольным грохотом. Коваль, конечно, врал известный, но чем черт не шутит. Илья разыскал через приятелей номер телефона Паршина, тот выполнил работу...

Теперь Зубов сидит под лестницей на бидоне с краской и размышляет, чего бы такого соврать сестре щекастого Костика относительно розыгрыша мачехи. Придумать что-то безобидное или просто отмолчаться?

Усталая голова соображала туго, пауза затягивалась. Девчонка явно пыталась подлизаться, боялась, что Илья настучит и сдаст ее ментам – ненависть любого автомобилиста к барсеточникам вполне понятна.

– Костика нет дома, – принялась опять отмазывать щекастого братишку. – Я случайно сюда забежала.

Курица безмозглая. Только что сама, рыдая, булькала – мы, мы, – теперь снова-здорово: щекастый ни при чем.

– Слушай, Дуся, – размеренно заговорил Илья, – мне надо просто перебраться через ваш балкон. Туда и обратно. Если мы поймем друг друга, про портфель не узнает ни одна живая душа, понятно? Прекращай вколачивать – его нет дома, он ни при чем... Я сделаю свои дела и...

За дверь коморки раздались негромкие шаги. Илья соскочил с бидона, приник к крошечной дверной щелке: косо падающая на стену тень обрисовала скорченный, явно мужской силуэт. Мурлыкающий песню на неизвестном языке мужик присел у ящика – вроде бы у ступенек коробка с ветошью стояла, расправил навесу какое-то тряпье...

«Ждать Гаврилова или привлечь внимание?!» – быстро проскочило в голове. Галина уже, наверное, с булками вернулась домой, Берта обычно приезжает с работы не раньше половины восьмого, если успеть проникнуть в кабинет отца до возвращения мачехи... Да даже при ней все получится обтупить! Берта в кабинете почти не бывает, отец не выносит, когда кто-то работает за его столом и двигает бумаги. У мачехи есть столик в будуаре.

Стремительно приняв решение, Илья в один шаг подскочил к девчонке, цыкнул ей: «Молчи!» – и резко рванул застежку молнии на ее куртке.

Землероева не удержалась. Пискнула. Грубые пальцы гадкого мажора скользнули по коже, сгребли не только куртку, но и проскочили по каждой пуговице почти прозрачной кофточки под ней. Одна из пуговиц жалобно шмякнулась об пол – наверное, гад, с мясом выдрал! – сквозь расхристанную одежду показалась грудь в нежном кружевном белье.

Евдокия на секунду обомлела.

Илья вернулся к щелке и громко прошептал:

– Эй, мужик, иди сюда.

Иноязычная песня прервалась.

– Открой, мы здесь застряли!

Осторожные шаги прошелестели к двери, и в щелке показался заинтересованный азиатский глаз.

– Открой, говорю, отодвинь палку!

Азиат кивнул, отодрал от двери клин из малярного валика и настороженно заглянул в каморку. Картина, представшая его глазам, заставила мужика смущенно крикнуть: на замызганном, но вполне удобном для утех диване сидела русская красавица в разодранной одежде, а здоровенный русский лоб красноречиво разводил руками:

– Ну чё, мужик, застыл? Ты не мужик, что ли, не понимаешь?

Таджик (или узбек) понятливо мотнул бейсболкой: мужик, мужик, однако. Подвинулся в сторону и выпустил из каморки странную русскую парочку: пылающую щеками девушку в красной куртке и нагловатого верзилу с большим пакетом в руках.

Когда раскосые таджикские глаза остановились на груди в весьма игривом лифчике, пылающая стыдом Землероева чудом задницей не подожгла диван! Не превратилась в огненное полено из сестры Буратино и не провалилась в ад! Руки не знали что делать – то ли прикрывать заголившиеся прелести, то ли за пакетом тянуться, – одно и другое вместе получилось плохо: пакет с портфелем подхватил сволочной Костиков сосед, узкая по моде куртка не захотела ничего скрывать.

Ох, видела бы мама!! Папа! Линка Синицына!

Илья тащил Евдокию за руку вверх по лестнице, та упиралась, пытаясь на ходу привести в порядок распахнутую одежду.

– Ты мне змейку сломал! – ругалась на ходу. – Как я домой пойду?! – «Как Котику в такой одежде покажусь?!» Одежда – вдрызг, на щеках подтеки туши, на голове прическа разудалой швабры. – Отстань, говорю, дай застегнуть хотя бы кофту!!

Не выпуская Дусиной руки, Илья обернулся...

Господи, ну и кошмар за ним плетется. Что подумал бы Гаврилов, застав Илюшу Зубова под лестницей с такой кикиморой? Узбек и тот лишился речи!

Землероева упрямо сдвинула брови, путаясь в пуговицах попыталась распределить их в петельках...

Сбилась. Поскольку одна выдранная с клочком невесомой ткани пуговка осталась валяться за бидоном.

Опять все расстегнула.

Илья завыл:

– Харе херней страдать, коза!!

В любую минуту в подъезде могла появиться Берта. Зубов дернул упрямую козу за руку, и еще одна пуговка покатила вниз.

Возмущение накрыло Дусю с головой. Новая кофточка, купленная ради Котиковаго обольщения за полторы тысячи рублей, погибла на глазах! Змейка куртки скончалась еще под лестницей.

Еще и козой весь вечер обзывают?!

– Отдай пакет и пошел на фиг!!

Зубов мысленно досчитал до десяти, заставил себя вспомнить, что парнокопытная воровка сейчас нужна ему больше, чем он ей, и быстро зашептал:

– Ну, ну, проехали! Отдам я твой пакет, как только попадем в квартиру. Пойдем.

Землероева не тронулась с места, вредно закусила губу – драться с эти гадом на лестнице и поднимать шум действительно ни к чему. Так что пусть несет, двумя руками запахнуться легче.

– Пошли, – пропыхтела Дуся, легко обогнала мажора на лестнице и первой подбежала к двери с прибитой цифрой восемь.

Уже подняла руку до кнопочки звонка, когда услышала за спиной ворчание запыхавшегося Ильи:

– Стой. Не звони. Видишь – дверь открыта.

Колокольный грохот могучего соседского звонка мог свободно проникнуть через небольшую щелку и привлечь внимание гарпии к дверному глазку седьмой квартиры. Илья оттер плечом задумавшуюся о чем-то воришку и сам распахнул чужую дверь.

– Котик? – елеино, в спину засюсюкала протискивающаяся коза. – Котик, ты где? Ау.

Зубов тихо прикрыл дверь, перехватил пакет с портфелем под мышку...

Сестра щекастого соседа воспитанно шаркала подошвами о коврик и зывала к Котику.

Тот почему-то не отзывался, Евдокия мельком погляделась в зеркало, испуганно шепнула «Боже мой!» и поскакала в ванную, не переставая общаться с замолкшим где-то братцем:

– Прости, Костик, что задержалась... Я тут... – Плеск воды, кажется, высморкалась. – У нас все в порядке...

Вернулась в прихожую и заметила, что Илья застыл столбом на пороге гостиной. Пока подходила к нему ближе, Зубов успел развернуться...

Красивое скуластое лицо мажора наливалось бледностью прямо на глазах. У Дуси гулко застучало сердце – такие, как этот гадкий Илюша, запросто не побелеют, – подошла к двойной двери в гостиную, заглянула в комнату и только благодаря тому, что плечо нашло косяк, не рухнула на пол, поскольку ноги превратились в две вареные макаронины.

В центре просторной комнаты, прямо под люстрой, на ковре с узором розочками стоял стул. На стуле сидел Котик. Ноги привязаны скотчем к ножкам, руки примотаны к подлокотникам, губы разбиты в кровь, один глаз почти заплыл. Второй страшно и мертво глядел на Дусю.

– Ох, – сказала Евдокия и обеими ладонями зажала рот. Не потому, что боялась закричать, а потому, что содержимое желудка рванулось на выход.

Илья быстро подошел к мертвому Котику, положил пальцы ему под подбородок, заглянул в зрачки. «Совсем теплый», – прошептал чуть слышно, и Дусин желудок повторил попытку освободиться от содержимого.

– Что в портфеле? – все так же глядя на мертвого, глухо спросил Зубов.

– А?... Что? – ошарашенно переспросила Дуся.

– Я говорю – что в портфеле?! – обернувшись, зашипел Илья. – Что вы украли, придурки?!

– Я... Я... не знаю, – залепетала Землероева. При чем здесь портфель? Что за вопросы?! Котик – мертвый!!

В два прыжка Зубов подскочил к ошавевшей девушке, схватил ее за ворот куртки и как следует потрянул:

– Что ты украла, курица?! Почему твоего брата за это убили?!

– Почему... почему... – голова Дуси болталась из стороны в сторону как у китайского болванчика, – откуда ты знаешь...

– Дура!! – прорычал Зубов. – Его убили только что! Перед этим его пытали!! Ну! Говори!

– Я не знаю! Не знаю!! Какие-то документы! Мы хотели потом вернуть их обратно!

Зубов брезгливо выпустил куртку, оттолкнул от себя воровку.

– Черт, влип я с вами...

Он выпустил из-под мышки пакет, и тот смачно шлепнулся на кожаный диван возле окна.

Взъерошив волосы Илья застыл, разглядывая через прозрачный тюль верхушки старых лип.

– Надо в милицию звонить, – всхлипнув, опомнилась Дуся.

Зубов развернулся лицом в комнату и оскалился:

– Куда звонить, дубина?! Тебя загребут вместе с этим портфелем, ты – воровка!

– Но я же...

– Пойдешь, как соучастница, – отмахнулся Илья. В его голове суматошно скакали мысли: надо потянуть время, слезать через балкон, вернуться обратно с картой памяти и пусть делает, что хочет – хоть в милицию звонит, хоть догадается из хаты исчезнуть. Его дело – сторона, своих забот хватает.

Евдокия не сводила остекленевших глаз с мертвого брата. Хотелось подойти к нему, упасть на колени, обхватить руками, но не хватило духа. В голове засели слова Ильи: пытали... что в портфеле... дубина, соучастница. Ни один из упреков не летел мимо!

Действительно дубина, действительно пытали, на самом деле соучастница.

Бунтующий желудок отвлек голову. В стиснутом ужасом горле рождался вой, но слезы почему-то не текли. Хладнокровно мерзкий мажор вернулся к Котику и внимательно его оглядел.

– Странно, – пробормотал, пожалуй, не рассчитывая на Дусин отклик, – никаких ранений, кровь только на лице...

– У Котика сердце больное.

Евдокии показалось, что эти слова произнесла какая-то другая девушка. Та, что стоит где-то рядом и существует отдельно, как прошлая нормальная жизнь, которая была совсем недавно – этим утром, пять часов назад.

– Значит – сам? – проговорил Илья и почесал в затылке. – Борис Семенович перестарался, не рассчитал усилий?

Евдокия отвела незрячие глаза от брата, сфокусировала зрение на высоком растрепанном парне. О чем он говорит? Какой Борис Семенович? Чего перестарался?

Ах да. Борис Семенович шеф Котика. На диване в пакете лежит его портфель.

Дуся подошла к дивану, взяла пакет и прижала его обеими руками к груди. Ворованный портфель превратился в улику иного рода – в доказательство вины его настоящего хозяина. Зачем, если не за портфелем, явились к Котику убийцы? Теперь Дуся не расстанется с ним даже на секунду, а если мерзкий мажор протянет к нему лапы...

Отберет, конечно. Но зачем?

Почти над ухом Дуси громким боем ударили стенные часы: половина седьмого.

Так много? Неужели она проторчала под лестницей больше часа?!

Как время пролетело... Гадкий Борис Семенович успел вычислить, кто из коллег живет в этом доме, пришел к Котику – бедняжка дверь открыл, рассчитывая встретить Дусю! – начал бить и, наверное, явился не один, а с тем же кривоногим охранником, который и привязал Котика к стулу...

Ох, мамочки! Несчастное сердечко Котика не выдержало пыток!

Как только грянул бой часов, Зубов подскочил к балконной двери, распахнул шторы и вышел наружу. Черт, Берта появится в квартире совсем скоро! Кухарка Галя наверняка крутится на кухне – самый удобный момент.

Почти перекинув ногу через перила, Илья вдруг передумал, вернулся в комнату, где над мертвым братом застыла девушка с зеленоватыми щеками.

– Евдокия, – привлек ее внимание, – я сейчас быстренько слезаю в свою квартиру, вернусь, и мы все порешаем, ок?

Врал, конечно. Сразу после возвращения Илья собирался исчезнуть из этой страшной квартиры. Ему нет дела до проблем воровки-барсеточницы и ее покойного брата, решить бы свои задачи. Заниматься чужими косяками времени не будет – встретились и разошлись.

Евдокия даже не кивнула. Смотрела на Илью расширенными глазами жертвенной овцы и тупо хлопала ресницами.

Черт! В груди Ильи невольно шевельнулась жалость. Девчонка влипла по самое небалуйся. Если менты не «примут», достанут хозяева портфеля.

Ей-же-ей – достанут! Брата уже грохнули, заморочки пошли нешуточные, девчонка теперь свидетель и, совсем наверняка, обладатель некой портфельной тайны.

– Дусь, ты подожди со звонком в милицию, ладно? – спросил почти сострадательно. На прожженную воровку девчонка походила мало, она напоминала глупую овцу, которую братец впутал в свои интриги.

Этот щекастый прилипала никогда не нравился Илье.

Евдокия снова не отреагировала, тарасилась стеклянными глазами и крепко прижимала пакет к груди.

Дьявол! Надо сваливать отсюда! Девчонка в ступоре, ей все равно ничем не поможешь, только сам подставишься.

– Я быстро. Вернусь, все порешаем, – снова и очень убедительно соврал Зубов и исчез за волнами тюля.

Еще подходя к дому – машину Илья оставил в соседнем переулке, – он обратил внимание, что балконная дверь в кабинет отца, как всегда, распахнута. Лев Ефремович не выносил кондиционеры и требовал, чтобы к его приходу комнаты проветривали в любую погоду.

Полтора часа назад, увидев эту дверь, Илья, помнится, даже усмехнулся: «Конечно, в этом доме все в порядке. Ждут хозяина с работы, привычек не меняют». И Берта, притворяющаяся рабочей пчелкой, не будет менять расписания: отсидит в кабинете одного из своих бутиков положенное время – с двенадцати до семи – и приедет усталая трескать за ужином корочки от булок.

По широкому карнизу прогуливались голуби. Илья перелез на испятнанную птичьим пометом жестяную крышу – стая голубей немного удивилась, но подвинулась, – зацепился пальцами за выемку в стене и бочком шагнул вперед.

Кроны вековых лип закрывали его от пешеходов, до голубей постепенно дошло, что человек настроен продвигаться – стая взмыла в воздух – из квартиры, где остался мертвый человек, донесся громобойный звон дверного звонка! Будь карниз чуть-чуть поуже, Илья – не голубь же, в самом деле! – свалился бы с высоты третьего этажа на узкую асфальтовую дорожку перед домом и разбился в лепешку.

Но удержался. Только пяточка скользнула по воздуху и пугливо примостилась обратно.

...От того же оглушительного грохота Дусь Землероева подпрыгнула и едва не выронила драгоценный портфель прямо на колени остывающего Котика! (Этот ужасный звонок когда-то раздобыла тетя Зина, уставшая стоять под дверью, если драгоценный Костик запирался дома и безмятежно плавал в волнах тяжелого металла.) Евдокия перехватила портфель, заполошенно огляделась по сторонам...

Из прихожей донесся мяукающий женский голос:

– Котик? Дорого-о-ой? У тебя откры-и-и-то-о-о...

Попытившись от голоса Евдокия запуталась в тюле, выпуталась уже на балконе и спряталась за выступом стены, в безмолвном ужасе разглядывая липы и прижимая портфель к животу, как будто щит.

Невдалеке прилип к стене мажор. Голуби носились над кронами деревьев. Из комнаты за тюлем раздался истеричный бабий вопль.

Как Дуся оказалась на балконе седьмой квартиры, она, признаться, не помнила совсем. Ей показалось, прыгнула на десять метров, поскольку за стены держаться было нечем, все руки заняты портфелем.

Кажется, на каком-то этапе она чуть не спихнула вниз мажора, отдышалась уже в соседском полутемном кабинете с тяжелыми плотными шторами: опираясь задом на массивный письменный стол и чувствуя, как в поясницу утыкается какой-то бронзовый прибабас из письменного набора.

В очи Евдокии втыкался взгляд обезумевшего мажора.

Илья не спрашивал. Он лишь таращился и тяжело дышал: безбашенная коза чуть-чуть не уронила его с карниза!! С чего это он ранее решил, что эта детка – тишайшая невинная овечка, а?! Она ж волчица-скалолазка!

Дура ненормальная!!

Но хорошо, хоть молчаливая и ловкая. Через два балконных ограждения и одного Илью перемахнула дикой кошкой и не пикнула. Теперь стоит, бессмысленно глазеет, почти не запыхалась.

Ситуация совершенно выходила из ряда вон. Где-то вдалеке, на другом конце огромной квартиры, копошится на кухне гарпия, путь назад отрезан – отсюда хорошо слышны вопли перепуганной подружки соседа! – придется выходить через свою входную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.